

ТИРАЖ КНИГ
НАТАЛИИ
ЛЕВИТИНОЙ
2 200 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ!

— Натاليا —
ЛЕВИТИНА

Блондинка в Монпелье

Детективные путешествия Елены Николаевой

Наталия Левитина

Блондинка в Монпелье

«Автор»

2015

Левитина Н.

Блондинка в Монпелье / Н. Левитина — «Автор»,
2015 — (Детективные путешествия Елены Николаевой)

ISBN 978-5-17-084995-6

Монпелье – солнечный древний город, душа юга Франции. Узкие средневековые улочки полны незримых призрачных теней минувших веков, здесь с каждым могут случиться самые удивительные происшествия... Юная Натка, русская студентка летних языковых курсов, однажды не вернулась домой с занятий. Сходя с ума от тревоги, ее мать встречает француза Жан-Поля, у которого тоже неожиданно пропал сын. Объединив усилия, они начинают совместные поиски...

ISBN 978-5-17-084995-6

© Левитина Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Левитина

Блондинка в Монпелье

© Н. Левитина, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава 1

Похищение или побег?

Ребёнок испарился на шестой день нашего пребывания в Монпелье.

Но возможно, ещё и раньше. Я этого не знаю, потому что никак не могу восстановить в памяти события вчерашнего вечера...

Сегодня Натка должна была вернуться после занятий где-то в районе пяти. Я, конечно, не надеялась, что она придёт точно к этому времени. Накинула пару часов, ведь ребёнку наверняка захочется погулять по городу с новыми друзьями – двумя страшненькими немками, волокой венесуэлкой и кудрявым бразильским хлопцем.

Кроме того, я учла, что моя дочь будет изо всех сил оттягивать момент возвращения домой. Вряд ли она мечтает поскорее возобновить вчерашний разговор. То, что Натка вчера сказала...

Да она меня просто убила!

Безусловно, я потребую объяснений!

Таким образом, до восьми вечера я терпеливо ждала ребёнка, а заодно занималась делами – ноутбук и телефон всегда под рукой. Параллельно восстанавливала здоровье, подорванное накануне. В качестве лечебного средства назначила себе в крупных дозах коктейль из запасов мадам Ларок. Голова у меня не то что раскалывалась, но неприятно гудела.

Я лежала в шезлонге на зелёной лужайке, листала страницы документов в ноутбуке, вносила исправления и потягивала из запотевшего бокала напиток с приятным горьковатым вкусом. Надо мной шевелили листьями-опахалами пальма с толстым ананасным стволом, благоухали цветы в глиняных кадках всех калибров, рядом в кустарнике щебетали птицы, а над головой сияло бирюзой прозрачное июньское небо.

На улице, за изящным забором из кованого железа, скрытые высокой живой изгородью, перекрикивались местные малыши. Они играли в мяч. Я слышала, как хлопал по асфальту его резиновый бок, как раздавала указания громогласная французская маман из соседнего особняка – чернокожая Луиза... «Они немножко шумные, – извиняющимся тоном говорила мадам Ларок за ужином в саду, когда нас пригибало к столу взрывной волной хохота и визга, а иногда и экспрессивной ругани. – Но в целом очень милые люди».

Я бы таких соседей давно уже прикончила. У меня нет и десятой части толерантности Виржини.

До самого вечера я не звонила Натке, чтобы она хорошенько прочувствовала: мамуля сердится. Обычно за день я успеваю позвонить дочке раз сто, порой вызывая её раздражение. Но сегодня продержалась до восьми вечера. Злилась и дулась, возмущалась, бормотала ругательства, вспоминая вчерашнее... Как Натка могла так поступить? Ведь взрослая уже девушка, умная к тому же!

Где были её мозги?

В восемь вечера я всё-таки решила позвонить Натке и поинтересоваться, в какой картинной галерее она прячется от материнского гнева. В музее Фабра? Наверняка он уже закрыт. В любом случае ей придётся вернуться домой и всё мне объяснить. Серьёзного разговора не избежать.

Я набрала номер дочери, подождала минуту и вдруг поняла, что из окна второго этажа доносится трель Наткиного айфона. Выскочив из шезлонга, сквозь стеклянные раздвижные двери я влетела в дом и ринулась вверх по лестнице. Толкнула дверь в комнату дочери...

Точно! Наткино сокровище, то, без чего она и шагу ступить не может, уютно расположилось в центре двуспальной кровати, на мягком покрывале и надрывалось изо всех сил. «Ленусик», – сияла надпись на экране.

Это, значит, я звоню, её мать.

Итак, детёныш забыл дома айфон, не вернулся из школы, где-то бродит, и связаться с ним нет никакой возможности. А скоро стемнеет – здесь, на средиземноморском побережье это происходит очень быстро...

Если Натка умудрилась забыть свою драгоценность, вероятно, она собиралась в сильной спешке? Но в комнате – идеальный порядок, покрывало аккуратно заправлено, стенной шкаф закрыт, на комод – выставка косметических прибабасов, флаконы выстроены в ровную линию, на столе – стопка учебников и брошюр по французской грамматике.

Ничего не понимаю. Куда же она делась?

Где бродит моя бессовестная дочь?

Если загулялась с друзьями – обязательно предупредила бы меня с чужого телефона. Она очень организованный и разумный ребёнок. По крайней мере, до вчерашнего дня я именно так о ней и думала. Да, вчера моя вера в Наткину способность принимать взвешенные и осмыслительные решения пошатнулась, но кредит доверия всё ещё не исчерпан. Я понимаю: если Натка так долго не возвращается, значит что-то произошло...

За окном послышался шум открывающихся ворот, и вскоре внизу, на первом этаже, раздался голос Виржини:

– Ку-ку, Натали! Ку-ку, Элен! Ку-ку, Кристин!

Так мадам поприветствовала всех постояльцев, то есть нас с Наткой, а ещё Кристину, в данный момент тоже отсутствующую. Весь пассаж мадам не прокричала, а мелодично пропела. Дочь, дрессируя меня перед поездкой, тоже учила правильно произносить некоторые французские слова – причём обязательно их не проговаривать, а петь.

– Мама, не так! – возмущалась Натка. – Смотри. Или снизу вверх – бо-о-н-жур, или сверху вниз – бон-жу-у-у-р... – Дитя мурлыкало, как котёнок. – Французы – они же поют! Ведь это не язык, а музыка!

– Не знаю. Какое-то гырканье, разбавленное хрипами. Гыр-гыр, гыр-гыр. Уж лучше китайский. И вообще, отстань. Мне французский ни к чему, у меня есть персональный переводчик: ты...

Я спустилась вниз к мадам Ларок, она сгружала в холодильник покупки. Мы обменялись улыбками. Даже в моём взволнованном состоянии я не могла не отметить, что Виржини, как обычно, выглядит изумительно. От Монпелье до Парижа – восемьсот километров. Но эта дама из провинции – воплощение настоящего парижского шика. А ведь ей прилично за шестьдесят, думаю, даже ближе к семидесяти. Я в её возрасте, надеюсь, буду выглядеть так же эффектно.

Если, конечно, доживу.

Сегодня на Виржини было простое платье, чья бесхитрость компенсировалась массивными и яркими этническими украшениями. Единственный недостаток мадам – она плохо владеет английским. Для жителя Европы это неприемлемо. Без Натки нам с Виржини приходится туго. К счастью, мы не первые русские постояльцы у мадам, поэтому ей удалось освоить несколько русских словечек.

Сейчас Виржини на англо-франко-русской абракадабре объяснила, что не ночевала дома, так как навещала маму. И там же провела весь день, пока маман не стало лучше.

Матушке мадам Ларок уже под девяносто, поэтому её детям иногда приходится поволноваться. Но в остальные дни старушка лихо смолит одну сигарету за другой, любит хорошо поесть и выпить и, взбив седые кудряшки, активно тусуется в парке с салагами – семидесятилетними дедушками. Мамулю, как драгоценный объект, пришлось снабдить тревожной кнопкой. Хотя пожилая дама до последнего сопротивлялась и ни в какую не желала вешать на шею

хомутик с прибором. Утверждала, что это повредит её имиджу беспечной кокетки, а также вряд ли будет сочетаться с жемчугом и другими украшениями.

Когда я, наконец, поняла, что Виржини не ночевала дома, мне стало совсем плохо. А что, если Натка исчезла ещё вчера?

Знаками и пантомимой я объяснила мадам, что мой ребёнок куда-то пропал.

– Виржини, а вчера вечером вы видели Натали? Вчера! Yesterday! Hier! Вче-ра!

– Non! – отрицательно покачала головой хозяйка пансиона, лишая последней надежды. – Я... Moi... Ходить... Есть уходящий... Уходить... – Она показала три пальца и постучала по запястью.

Я поняла, что вчера Виржини ушла из дома в три часа дня.

Мы с дочерью расстались на площади Жана Жореса в половине седьмого вечера. Натка отправилась домой на трамвае, а мы с Кристиной надолго зависли в уличном ресторанчике. Наверное, недурно выпили, так как, во-первых, после Наткиного заявления мне было необходимо расслабиться, а во-вторых, потому что сегодня я ничего не могу вспомнить. Я даже не знаю, когда мы вернулись домой. Сколько же мы выпили? Бутылку? Две? Цистерну?

Не могу понять, как нам удалось без приключений добраться до дома и пристроить «Ситроен» на маленькой парковке во дворе, не снеся пальму.

Глухая тревога – постоянный спутник заботливой мамыши – тугим обручем сжала моё сердце.

– Натали гулять, – щебетала над ухом Виржини. – Avec garçon, гарсон, мальчик! Гулять!

Она поправила эффектную чёлку, бряцая, словно доспехами, браслетами на запястье, затем поднапряглась и выдала:

– The weather is fine!

Очевидно, эта фраза сохранилась в её памяти ещё из школьной программы по английскому языку. «Погода чудесная!» Да уж, я не спорю.

Но где мой ребёнок?!

Я нашла телефон Наткиных языковых курсов и набрала контактный номер. Там никто не отвечал. Естественно, ведь уже девять вечера.

Виржини тем временем пыталась меня успокоить, изменив направление моих мыслей:

– Элен, кофе? Да? Капучино? Пить, да? Круассан? Кофе, о'кэй? Круассан, о'кэй?

Как же легкомысленны французы! Они демонстрируют поразительную беспечность в самых разных вопросах – от секса до иммиграционной политики. У меня пропала дочь, но я должна успокоиться, выпить капучино, съесть круассан... Да он у меня встанет поперёк горла!

Где моя маленькая доченька?

Моя прелестная блондинка?

Я тем временем с телефона зашла на сайт Наткиной языковой школы, настрочила письмо на английском и отправила его по электронному адресу, указанному в контактах. Попросила срочно связаться со мной. И – о, чудо! – вскоре телефон затрясся мелкой дрожью в моей ладони.

Администратор школы отлично владела английским, почти так же хорошо, как я. Она пообещала выяснить у преподавателя, как прошёл сегодняшний день, не планировала ли Натка с друзьями отправиться на какую-нибудь затяжную экскурсию и так далее.

Внимательная девушка перезвонила через пять минут. Взволнованным голосом она сообщила, что сегодня моя дочь... вообще не пришла на занятия!

– Что?! – в ужасе закричала я, мгновенно покрываясь холодным потом. – Как это – её сегодня не было?!

Виржини с напряжённым лицом следила за моей реакцией. Она поняла, что ничего хорошего мне не сообщили.

– О! – выдохнула она. – Это катастроф. Где есть маленький мадемуазель?

Итак, находясь в райском уголке на берегу Средиземного моря, я постепенно погружалась в ад. Неведомая сила затягивала моё сердце по нисходящей спирали в чёрную воронку.

Куда пропал ребёнок?

И даже точнее: куда пропал мой беременный ребёнок?

Глава 2

Вспомнить всё! Но как?

За несколько месяцев до окончания десятого класса Натка осветлила волосы. Со мной она посоветоваться забыла. Но я, безусловно, не перестала бы её любить, даже если бы она решила вставить в нос гвоздь и сбрить брови.

К счастью, у меня адекватный ребёнок, поэтому Натка всего лишь перекрасила волосы. Надо признать, она превратилась в очаровательную блондинку.

– Не дают покоя лавры Джульетты Иванцовой? – язвительно поинтересовалась я, когда дочь предстала передо мной в новом образе.

Иванцова, Наткина одноклассница, девица исключительных внешних данных – с льняными волосами до талии и бесконечными ногами – два года назад получила приглашение от модельного агентства и уехала сначала в Москву, а затем за океан. В восьмом классе Натка сражалась с этой куклой за сердце одного достойного юноши, Леонида. Главный приз остался не востребованным, так как обе соперницы самоустранились на финишной прямой: Натка изменила Леониду с Мишей, Иванцова – с Нью-Йорком.

Сейчас Иванцовой шестнадцать, как и моей дочери. Мы видим эту диву на страницах глянцевого журнала – она обнимает гигантские флаконы духов, или задумчиво перебирает пальчиками шевелюру какого-нибудь красавчика в смокинге, или же, закусив губку и придав взгляду отрешённость, тычет в камеру свои лапы в сапогах сорок третьего размера (реклама кожаной обуви знаменитого бренда).

Портрет Иванцовой венчает экспозицию «Наша гордость» в холле школы. Там, кроме фотографий прославившихся выпускников, стоят кубки за победу в лыжных и баскетбольных соревнованиях.

Не сомневаюсь, Натка тоже попадёт на этот стенд, когда окончит школу с золотой медалью. Пока Иванцова мечется между Парижем, Миланом и Рио-де-Жанейро и проводит долгие часы за кулисами подиумов, где её штуркуют и причёсывают, дочь добросовестно учится и коллекционирует грамоты за участие в олимпиадах. Я ею горжусь, она такая умная. Два года назад у них ввели факультатив по французскому, и – вуаля! – моя бусинка уже быстро тараторит на этом языке.

Более того, Натка заявила, что после одиннадцатого класса хотела бы учиться во Франции.

– Заметь, в этой стране бесплатное высшее образование, – сообщила она мне.

– Да ладно, так не бывает. У нас оно официально тоже бесплатное. Однако попробуй-ка поступи на бюджет. Проще поймать акулу сачком для бабочек. Даже ты, суперотличница, не поступишь.

– Но во Франции действительно масса бесплатных университетов. И даже иностранцы могут там учиться. Удивительно, правда?

– Удивительно, – согласилась я.

– Можно разослать запросы в разные города – в Лилль, Бордо, Монпелье, Лион, Страсбург. Я погуглила, там отличные универы. Как ты думаешь, а?

Я пожала плечами:

– Но как же Миша? Его-то ты куда денешь? Сама сбежишь за границу, а его оставишь здесь? О чувствах матери, покидаемой единственной дочерью, я не говорю, это сущая ерунда. Но вот Миша... Он тебя разве отпустит?

Дочка сразу приуныла. О женихе она как-то не подумала. Что с неё взять, она же теперь блондинка!

Вопрос о заграничном университете мы пока отложили, но на лето я пообещала отправить Натку на языковые курсы в один из названных городов – вроде как на разведку.

Дочь выбрала Монпелье – небольшой городок на средиземноморском побережье, залитый солнцем и наполненный кипучей студенческой энергией, со средневековыми улочками, монументальными каменными башнями и грандиозным ботаническим садом.

Наметив цель, дочь рьяно занялась организацией поездки. Нашла учебное заведение, прошла тестирование и записалась на курсы. Потом купила билеты на самолёт и ТЖВ – скоростной поезд, способный преодолеть расстояние от Парижа до Монпелье всего за три часа. Хотя я предлагала взять напрокат автомобиль и добраться своим ходом, часов за восемь или десять, если уж совсем не спеша. Эти европейские страны – они такие маленькие!

Кроме того, именно дочь разыскала в Интернете «Пансион мадам Ларок». На фотографиях мы увидели двухэтажный таунхаус со стеклянной стеной на первом этаже, двор с пальмой и кустами роз в массивных кадках, огороженный высокой живой изгородью. Мадам Виржини сдавала три комнаты наверху, мы забронировали две. Мне досталась спальня с фиолетовыми стенами и кремовыми портьерами, дочь выбрала комнату, декорированную в прованском стиле – светлые занавески в цветочек, белая мебель, букетики лаванды.

– Ну вот, – сказала я, – в Провансе и апартаменты соответствующие.

– Мама, мы едем не в Прованс, – авторитетно поправила Натка. – Монпелье – столица провинции Лангедок-Руссильон.

– Обалдеть! Молодец, отличница, урыла непросвещённую мамочку! Что, довольна?

* * *

В воскресенье в четыре утра мы погрузили чемоданы в багажник джипа и помчались в аэропорт. Вещей было много, но почти все – дочкины. Потому что я собиралась вернуться обратно уже через неделю. С моей работой не так-то просто вырваться на подольше. Приеду, удостоверюсь, что Натка хорошо устроилась, город безопасен, учителя добросовестны, а мадам Виржини – так же сердечна и заботлива, как мне это показалось во время нашего общения по скайпу. И со спокойной душой вернусь домой – работать в поте лица, заниматься делами моей фирмы под названием «Современные медтехнологии».

В полночь, проведя семь часов в двух самолётах, три часа в поезде и целое столетие в очередях на паспортный контроль, преодолев в общей сложности семь тысяч километров, мы вывалились из вагона на пустынный перрон в пункте назначения.

Тусклый жёлтый свет освещал обшарпанное здание маленького вокзала, под ногами валялись окурки и что-то похрустывало, от чёрной ямы с железнодорожным полотном тянуло гарью, тут и там мелькали подозрительные и мрачные фигуры.

– Ой, – сказала Натка. – Куда это мы приехали?

Если вспомнить, как выглядит вокзал в нашем городе – современный, огромный, со стеклянной крышей и вылизанными до блеска перронами, – то складывалось ощущение, что забрались мы в настоящую дыру.

– На картинках всё выглядело иначе, – расстроено пробормотала дочь.

Я пересчитала чемоданы.

Натка совсем сникла. Она тщательно готовилась к поездке, собирала информацию, запоминала названия достопримечательностей... И тут такая встреча! Неужели всё остальное тоже окажется фикцией? А вдруг наш пансион – не райский уголок, а клоповник с ржавой сантехникой, а сама мадам Виржини – злая ведьма, зарабатывающая на доверчивых туристах? А если тут на каждом углу торгуют наркотой?

Куда мы попали?

– Ку-ку, Натали! Ку-ку, Элен! Бонсуар! Бьенвеню! Здрастуйте, добро пожаловать! – раздался радостный голос с другой платформы. Напротив, в сияющем золотым огнём квадрате вокзального окна, стояла Виржини и махала нам рукой. Ей хватило пары секунд, чтобы нас очаровать. Закутанная в воздушный палантин, нарядная и элегантная, она словно материализовалась из облака, как сказочная фея. Не прошло и пяти минут, а мы уже ехали по ночному городу на машине Виржини, и Натка возбуждённо тараторила на французском, отвечая на многочисленные вопросы мадам.

* * *

Я зря волновалась – сантехника в особняке сверкала, полотенца были белоснежными и пушистыми, как в пятизвёздочном отеле. И заплатили мы за это великолепие в три раза меньше, чем если бы сняли комнату в гостинице. Натка очень гордилась своей финансовой ловкостью – она сэкономила деньги и на авиаперелёте (нашла дешёвый рейс), и на ТЖВ (дождалась какой-то особой акции и купила билеты по бросовой цене), и на проживании. Потом дочурка предъявила мне листочек с бухгалтерскими выкладками и предложила выдать ей сэкономленную сумму.

– С какой стати?

– Но я ведь сберегла для семьи кучу денег! Дай мне их на карманные расходы.

– Вымогательница! Для блондинки ты чересчур изобретательна и коварна. Проще надо быть. И беззаботнее.

– Я же фальшивая блондинка.

Так как дочь должна была остаться в Монпелье на целый месяц, меня устраивало, что она будет жить не в студенческом общежитии или отеле, а под присмотром мадам Виржини. Ей ведь всего шестнадцать лет, она маленькая.

Хотя не знаю, чем они там занимаются с Мишей, пока я с утра до ночи развиваю бизнес. Мише почти двадцать два, это настоящий буйвол, тонна мышц. Он очень полезен в хозяйстве, мы активно используем в быту его созидательную энергию – переставить мебель, донести пакеты с едой. Но возможно, моя дочь уже совсем не такая маленькая, как я думаю...

В Монпелье детёныш загрузил себя не на шутку: по три часа групповых занятий в день и три – индивидуальных. В восемь утра мы завтракали в саду под пальмой, затем Натка уезжала в центр, где в средневековой замке располагалась языковая школа. Дочь перемещалась по городу на трамвае, а я предпочитала ездить на арендованном синем «Ситроене».

Мне потребовалось проявить хирургическую точность, чтобы вписать короткометражный отпуск в мой график. В субботу я отправила восвояси обласканных партнёров из Гуанчжоу, в воскресенье мы с дочкой уже сели в самолёт. Сейчас пятница, и я ещё как будто отдыхаю, хотя ни на минуту не расстаюсь с ноутбуком и телефоном. На следующий вторник намечена встреча с товарищами из Новосибирска. После долгих, тяжёлых переговоров мы должны подписать миллионный контракт. Речь идёт о чудодейственном приборе для кардиологических больных, выпускаемом нашей компанией... Далее. В среду – опять китайцы, из Шанхая, в пятницу – партнёры из Владивостока, в воскресенье ждём делегацию из Минска.

Вот такая напряжённая жизнь! Мне нравится.

А дочь недовольна.

– Мама, ты совсем меня забросила, – часто жалуется она. – Ты меня не слушаешь, я тебе не нужна! Ты занимаешься только бизнесом, фирмой, своими драгоценными «Современными медтехнологиями»!

– Что ты говоришь! Во-первых, ты – самое дорогое, что у меня есть. Во-вторых, моя круглосуточная занятость обеспечивает нам комфортное, порой даже роскошное существование. В-третьих, а как же Ми-ша? Почему он тебя не развлекает? Неужели он тебе надоел?

– Вовсе нет! Но он мой парень, а ты мама. Это разные вещи, правда?

Кто спорит... Да, я могла бы сбавить обороты, меньше работать, чаще бывать дома. Но бизнес засасывает, трудно остановиться, когда поймал удачу за хвост. А я поймала и держу очень крепко. Хочется прыгнуть выше, дальше. Ну и деньги, конечно... Отказаться от них? Но как? Это всё равно как если бы ты привык грести их ковшом экскаватора, а тебе вдруг предложили пластмассовую лопатку для песочницы.

Нет, я не могу остановиться.

Но дочь – моё сокровище, она единственный человек, чьи желания я учитываю. Поэтому неделю отпуска я всё же у себя выцарапала. Разметала во все стороны дела, аудиенции, поездки, зарисовала стрелочками семь страниц в ежедневнике, перенесла встречи на другие даты. И до сего момента не уставала радоваться, что так поступила, потому что каникулы удались на славу.

Отдых получился шикарным. Для человека, привыкшего двадцать часов в сутки жонглировать тремя смартфонами, планшетом и грассбухом, возможность посидеть в шезлонге под пальмой – это настоящая роскошь... Можно задумчиво рассматривать небо, потягивать из бокала коктейль, можно гулять по тенистой эспланаде Шарля де Голля, валяться на пляже, закутавшись в лёгкий плед...

Фантастика!

Этим я и занималась, пока ребёнок пыхтел на занятиях. Развлечениям я предавалась в компании Кристины. Удивительно, но в городке, где совсем нет русских (это вам не Париж или Ницца, до отказа заполненные нашими соотечественниками), мы в первый же день нос к носу столкнулись с землячкой – она снимала третью комнату в доме Виржини.

Более того, Кристина являлась моей давно забытой однокурсницей. Мы вместе учились в мединституте, но после окончания вуза никогда не встречались. Да, стоило проехать несколько тысяч километров, чтобы на французской окраине встретить давнюю знакомую!

Глава 3

Кристина. Двадцать лет спустя

– Кобылкина! – завопила я. – Кристинка! Ты-то здесь откуда?!

Накануне, когда мы раскладывали вещи в комнатах, Виржини сказала нам, что третью комнату занимает русская мадемуазель. И только утром, спустившись к завтраку, я увидела, что это никакая не мадемуазель, а моя старая знакомая Кристина Кобылкина.

– Николаева! – заорала в ответ однокурсница. – Ты ли это? Здесь?! Но как?!!

Мы придиричиво осмотрели друг друга, и каждая ощутила неприятный укол в сердце: нет, радоваться нечему, ни одна из нас не растолстела и не подурнела. Мы обе были по-прежнему невесомы и грациозны, как во времена учёбы. В принципе, выглядели так же, как и двадцать лет назад. Менее свежо, чем в юности, зато более эффектно. Сошёл натуральный румянец, зато появился стиль.

Честно говоря, я бы отказалась вернуться обратно, в мои двадцать лет, и заново пройти весь путь. Мне очень комфортно в моём возрасте, это возраст расцвета и уверенности в собственных силах. Безусловно, если бы сейчас я не могла похвастаться успешным бизнесом и дочкой-умницей, то наверняка заговорила бы иначе: сидела бы и оплакивала ушедшую молодость...

– Классно выглядишь, старушка, – похвалила Кристина. – Всё те же дивные зелёные глаза, шикарные тёмные волосы... Седина-то уже попёрла, признайся? Подкрашиваешь?

– Какие глупости! О чём ты? Я совсем малышка. А ты тоже неплохо сохранилась. Ставлю пять с плюсом.

– Стараюсь. Мучаю себя всякими процедурами лишь бы только не скукожиться, как печёное яблочко.

Кристина рассказала, что приехала во Францию знакомиться с женихами. Да, вот так. Кто-то и дома ни одного мужика подцепить не может, а у неё сразу два иностранных претендента – один лучше другого.

В понедельник Кристина встретилась с первым кандидатом, владельцем прачечной, а потом поделилась со мной впечатлениями. Мы выпутались из каменного лабиринта улочек, обогнули церковь и устроились за одним из ресторанным столиков, выставленных на маленькой, выложенной брусчаткой площади.

Напротив возвышался дом с разрисованным фасадом. Я не сразу поняла, что перед нами сплошная стена, а не здание с настоящими дверями и окнами. Картина выглядела настолько достоверной, что казалось – дверь приоткрыта, а из окон высовываются живые люди. Впоследствии Натка просветила свою дремучую мамочку, что традиция разрисовывать фасады пришла из Средневековья, когда за каждое окно горожанам приходилось платить налог. Тогда жители стали строить дома с глухими стенами, а окна просто рисовали. Потом мы ещё не раз видели многоэтажные здания, покрытые такими же правдоподобными фресками.

В бирюзовом небе над зубчатыми башнями собора плыли облака, а над нами трепетал матерчатый навес. Я договорилась с Наткой, что в обеденный перерыв она прибежит на эту площадь и мы накормим её обедом. А пока мы с Кристиной заказали по чашке кофе.

* * *

Во Францию Кристину Кобылкину привели безуспешные поиски гармонии.

Сколько я её помню, она пыталась привести к единому знаменателю свои имя и фамилию. Пока все усилия оборачивались прахом, судьба жестоко смеялась над бедняжкой.

Ещё на первом курсе забавное сочетание стало предметом неукротимого студенческого веселья. На втором курсе Кристина в результате пары неосторожных движений залетела. Пришлось срочно выходить замуж. И за кого? За Петю Вилкина. Так наша горемыка превратилась в Кристину Вилкину. Поменяла шило на мыло. А лет через десять, уже после развода с Петей, Кристину накрыла неземная любовь, и приятельница второй раз вышла замуж – за достойного человека с фамилией Ножкин.

– Так ты теперь Кристина Ножкина? – всхлипнула я, давась смехом. – Какая блистательная эволюция: Кобылкина, Вилкина, Ножкина!

– Смейся, смейся, – мрачно произнесла страдалица. – Я не сдамся. Я сейчас опять свободна, развелась, у сына своя семья. Меня ничто не связывает, и теперь-то я уж точно обзаведусь красивой фамилией!

Кристина решила бить прицельно – обратилась в брачное агентство, основанное в Марселе бойкой русской дамочкой, когда-то закончившей иняз. Та подобрала нескольких кандидатов. Их фамилии были красивы и мелодичны, согревали душу и звучали как песня. Французам в этом плане очень повезло.

– Верный ход, – поддержала я Кристину. – Например, связалась бы с итальянцем – стала бы какой-нибудь синьорой Скоттучини. Грек наградил бы фамилией Попандопулос. А у французов любая фамилия радует слух.

В конце концов из красочного полотна французских женихов выкристаллизировались два претендента: владелец прачечной из Монпелье и инженер из Марселя. Первый – Жюстан Делорм, второй – Грегуар Ламонтань.

– Ну как тебе? Послушай, – мечтательно проворковала Кристина. – Кристин Делорм... Кристин Ламонтань... Звучит, да?

– Обалдеть, – согласилась я. – Красиво, слов нет! Потрясающе! Выбирай любого мужика, с фонетической точки зрения всё равно не прогадаешь.

– С Жюстаном я уже познакомилась. Он мне понравился.

– Владелец прачечной? – не удержалась я от саркастической усмешки.

– Понимаю, почему ты усмехаешься. Прачечная – это, конечно, не очень романтично. Зато мужик твёрдо стоит на ногах. Видела бы ты его дом. Шикарный двухэтажный коттедж посреди большого сада. С Грегуаром я встречаюсь в пятницу. Он специально приедет из Марселя.

– А далеко оттуда ехать?

– Приблизительно... Километров двести.

– И у обоих мужиков серьёзные намерения?

– Ещё какие! Оба рвались оплатить накладные расходы, – засмеялась Кристина.

– Удивительно, если вспомнить, насколько экономны французские мужчины.

– А ты откуда знаешь?

– Имела однажды дело с партнёрами из Франции. За месяц они из меня душу вынули. Каждую копейку обговаривали. Да и вообще, у французских мужиков репутация сквалыг.

– Наверное, это проявится после. А пока парнишки обещают мне золотые горы. Готовы кормить икрой и купать в шампанском.

– А ты?

– А что я? За самолёт получила с обоих.

– Ну, Кристинка, ты даёшь! Это же нечестно!

– Не надо всё усложнять. Я заранее сделала парням приятное – позволила проявить щедрость.

– Надо сказать, ты никогда не испытывала недостатка в мужском внимании.

– О тебе, Лена, можно сказать то же самое.

– Вот удивительно! Возьмём мою секретаршу Вику. Она умненькая, симпатичная, молодая. Но ей даже дохленьким ухажёром не удаётся обзавестись. А ты – хлоп! – и в дамки. Уже сидишь в ресторане во Франции, а женихи дерутся за право оплатить твой авиабилет. Как у тебя получается?

– Пардон, что-то я не поняла... Вика, значит, умненькая и симпатичная. А я, по-твоему, тупая и страшная?

– Моя Вика, между прочим, на двенадцать лет тебя младше. И что? Ни-че-го!

– Так надо шевелиться! – засмеялась Кристина. – Твоя секретарша, наверное, возвращается домой и весь вечер тупо смотрит сериалы в Интернете. А нужно по свиданиям бегать... Ах, да! Вот ещё что! В анкете я указала, что согласна на секс на первом свидании!

– В смысле?

– В брачном агентстве мне предложили заполнить анкету. Пунктов этак под шестьсот. И попался хитрый вопрос: на каком свидании вы согласны на секс? На первом? На третьем? На десятом? Никогда?

– Я бы ответила «никогда» – просто, чтобы приколоться. И посмотреть, какой будет результат.

– А я подумала, что вопрос поставлен неверно. Надо спросить так: как долго вы сможете гарантировать мужчине неприкосновенность? – захохотала Кристина. – Да если мужик на первом же свидании согласится, разве я откажусь? Мне сорок лет! И я одинока! Да я первая в него когтями вцеплюсь!

– Зато честно, – улыбнулась я. – Постой! Так ты уже успела? С этим, как его... маркизом Жюстаном? Владельцем прачечной?

– Угу, – блаженно мурлыкнула Кристина. – Как же мне понравилось... У него не только ФИО красивое, но и тело тоже. Он идеален!

– Идеальная прачка?

– Какая же ты противная... Не прачка, а хозяин прибыльного бизнеса! Жюстану, между прочим, всего тридцать шесть. И пять раз в неделю он занимается в спортзале. На бицепсах у него татуировки, в ухе – серьга. И одевается он с большим вкусом.

– Ух ты! Так, может быть, тебе забыть про второго? Грегуара? Пусть не приезжает. Чего мужику зря пилить из Марселя?

– А вдруг он ещё круче? Нет, я обязательно должна проверить. А потом выберу того, кто лучше.

– Ну, ты и чертовка!

– Просто мне нравится жить. Обожаю процесс. Боже, это так классно! Посмотри вокруг! Мы на юге Франции, в самом настоящем раю... И все нам улыбаются, все такие милые...

Наверное, именно эта радостная энергия, бьющая фонтаном, и привлекала всегда к Кристине мужчин.

Плюс готовность к сексу на первом свидании.

– Лен, а у тебя-то как дела? Мы всё обо мне да обо мне. У тебя кто-то есть?

– У меня много чего есть. Дочка, бизнес.

– А мужчина?

– С этим вопросом сложнее. Мужчина у меня вроде бы и есть. Но в то же время его как бы и нет.

– Да, – вздохнула Кристина. – Так часто бывает. А как его зовут? Твоего принца-невидимку?

– Вольдемар.

– Что?

– Вовчик. Короче, Владимир.

– И что у вас случилось?

– Нашла коса на камень. Он крутой, а я ещё круче. У него холдинг, но и у меня фирма. Он гордый, я своенравная. Он лев, а мне совсем не страшно. Вот и не можем ужиться.

– Ленка, да ты полная дура!

– Почему?

– Разве так с мужчинами обращаются?

– Я тебя умоляю. Не надо меня учить, как обращаться с мужчинами. У меня их было множество.

– И хоть один задержался надолго?

Я задумалась. Володя вроде хотел задержаться. Но, похоже, и у него уже лопнуло терпение...

Настроение испортилось. Пока ещё непонятно, расстались мы с Володей или всё же наладим отношения. Но стоит подумать о том, что он навсегда исчезнет из моей жизни, – и солнце меркнет...

Разговор о мужчинах пришлось свернуть, так как появилась Натка.

– Бонжур, – сказала она. – Привет, мамочка, здравствуйте, Кристина Эдуардовна. Девушки, вы ослепительно выглядите!

Ах, какая вежливая и культурная у меня доченька!

– Блин, сейчас сдохну от голода! – добавила Натка. – Срочно дайте чего-нибудь пожрать. У меня всего сорок минут.

Мы тут же подозвали официанта. Высокий черноволосый паренёк маячил неподалёку и бросал в нашу сторону скорбные взгляды – он уже потерял надежду дождаться от нас полноценного заказа.

Кристина, не утруждая себя изысканным произношением, скомандовала ему принести три комплексных обеда по пятнадцать евро. Я видела, как вытянулось лицо дочери: корявая и безграмотная речь моей однокурсницы резала ей слух. Натка-то целый год оттачивала произношение с помощью профессора из Сен-Мало, занимаясь по скайпу. А Кристина не парилась, она выучила пять глаголов, три местоимения – и вперёд, на мины, ни капли не сомневаясь в том, что великолепно владеет французским...

– Мама, но ведь она издевается над языком! – возмутилась Натка в понедельник, после того, как в первый раз услышала Кристинины перлы.

– Да ладно! Как смогла, так и выучила. Ей нужно с женихом прийти к консенсусу. Было бы затруднительно это сделать, не владея языком. Кристину Эдуардовну похвалить надо, а не ругать.

– Мама, а знаешь ли ты, что сказал Анатоль Франс о французском языке?

– Да зачем мне...

– Нет, ты послушай, – перебила дочь. – Цитирую близко к тексту: «Французская речь – это женщина столь прекрасная и гордая, скромная и изысканная, мудрая и легкомысленная, что, влюбившись в неё всем сердцем, уже никогда ей не изменишь».

– Эка завернул!

– Как-то так.

– Флаг ему в руки.

– Мама! – вздохнула дочь. – Анатоль Франс, вообще-то, нобелевский лауреат, а его произведения относятся к сокровищам французской литературы!

Вот. Моя дочь не только вежливая, но и очень образованная.

Горжусь!

Пусть дочь и возмущалась лингвистической нахрапистостью Кристины, а мне однокурсница нравилась всё больше и больше. В мединституте мы особо не дружили. Не каждому удастся проломить мою броню закоренелого мизантропа. В целом, я не очень-то хорошо отно-

шусь к людям. Злая и вредная. Но радостное и позитивное отношение Кристины к жизни мне импонировало, а её компания доставляла удовольствие...

Итак, мы наконец сделали заказ.

Официант сразу принёс приборы, а также графин воды и корзину с багетами и булками. Дочь тут же выхватила из корзинки хрустящий батон и, урча, как голодная кошка, впилась в него зубами.

– Бедная малышка, совсем заучилась! Так, сейчас мы посмотрим, что вкладывают французы в понятие «комплексный обед», – сказала Кристина.

Как выяснилось – очень многое!

Сначала нам принесли по огромной тарелке салата из зелени, оранжевой дыни, пармской ветчины, шариков моцареллы и помидорок-черри, нанизанных на шпажку в виде шашлычков.

Покончив с салатом, мы отвалились от стола, как три сытых саранчи, слопавших гектар посевов. Но это было только начало. Официант уже спешил в нашу сторону с новым грузом. Теперь каждой голодающей русской даме досталось блюдо с гигантской отбивной, источающей сок и аромат. К мясу прилагались золотистые горошины картофеля и ещё один салат – теперь уже из баклажанов со сладким перцем.

– В меня столько не влезет! – взмолилась Натка.

– Трескай, поправляйся, – приказала Кристина.

На десерт коварный юноша притаранил подносы с кофе, мороженым, шоколадным пирожным и суфле из манго. Каждой из нас! А ведь мы уже не могли дышать.

– Не понимаю, как француженкам удаётся сберечь фигуру! – в отчаянии воскликнула Кристина.

– Всё, я побежала на занятия! – Натка поднялась из-за стола. – Мам, не забудь оставить чаевые официанту, он так старался.

– И глаз с тебя не сводил, – хмыкнула я.

– Ещё бы, – заметила Кристина. – Такая прелестная блондинка. И сразу видно – девочка из России. Русская – значит красивая!

– Ой, Кристина Эдуардовна, вы совсем меня захвалили, – зарделась Натка и гордо отбросила за спину светлые волосы. – Ладно, гуд-бай!

– Не гуд-бай, а оревуар, – строго поправила Кристина. – Беги, крошка, беги. Какая ты счастливая, – повернулась она ко мне. – У тебя доченька.

Глава 4

Отпуск ещё не закончился

Мы с Наткой ошиблись. Даже представить не могли, что в июне на берегу Средиземного моря можно замёрзнуть. Я думала, мы будем изнемогать от жары и наши единственные тёплые вещи – мой кардиган и Наткина джинсовая куртка – так и пролежат в чемодане.

В первый же день, встретив парочку негров в пуховиках (правда, на ногах у них всё же были резиновые сланцы), мы осознали глубину нашего заблуждения. Да, солнце палило вовсю, однако с моря постоянно дул холодный бриз.

Требовалось пополнить дочкин гардероб, ведь она должна была остаться в Монпелье до конца месяца. Вооружённая только короткими платьицами, крошечными шортами и топиками, она точно околеет от холода. Замёрзнуть под пальмами – это парадокс!..

Ребёнок воспринял идею с энтузиазмом, но пожертвовать занятием ради беготни по магазинам не согласился:

– Мам, ну ты это... Сама давай. У тебя отличный вкус.

– Ах, как же это здорово! – прокомментировала Кристина. – Услышать от шестнадцатилетней дочери: «У тебя отличный вкус»! Ленка, твоя жизнь, определённо, удалась...

В среду мы с прекрасной искательницей гармонии оставили «Ситроен» в районе парка Променад дю Пейру.

– Вполне бы доехали на чудесном трамвайчике, – бухтела Кристина, пока я искала место для парковки. Вдоль тротуаров всё было настолько плотно заставлено автомобилями, что между бамперами соседних машин не протиснулся бы и комар.

Да, трамваи Монпелье заслуживали целой поэмы. Ярко раскрашенные, они радовали глаз и оживляли улицы. Каждая линия имела свой фирменный стиль. Натка добиралась до школы на трамвае, разрисованном крупными красно-жёлтыми цветами, или на синем с белыми голубями, похожими на звёзды в вечернем небе, или на фиолетово-зелёном, с морскими мотивами...

– И зачем ты арендовала машину? – удивилась Кристина.

– Я привыкла всегда быть на колёсах. А что? Заплатила каких-то триста евро – и вуаля! Целую неделю в моём распоряжении отличный, застрахованный по самое не хочу, автомобиль. К тому же мы с Наткой планируем съездить в Камарг.

– Куда?

– В Камарг. Это национальный парк, расположенный неподалёку. Там водятся розовые фламинго, чёрные быки и белые лошади. Натка прожужжала мне все уши про этот заповедник. Быков она, что ли, не видела?

– Триста евро для тебя не деньги, – сделала вывод Кристина.

– Нет, не деньги, – призналась я. – Особенно, если речь идёт о моём комфорте.

– Крутая ты, Ленка, стала. А в институтской столовке, помнишь, прикидывала: брать второе или обойтись супчиком?

– Помню! – засмеялась я. – Точно! Так оно и было. Каждую копейку считала, на еде экономила. Весёлые были времена. Выкручивалась, как могла. Жила на стипендию да по квартирам бегала – уколы делала и капельницы ставила. Родители мне особо не помогали, они и сами бедно жили.

– Зато сейчас ты вся в шоколаде.

– Однозначно. Но поверь мне, Кристиночка, каждый миллиграмм этого шоколада я оплатила кровью и потом. Когда другие люди отдыхают, когда у них, например, наступает вечер

пятницы, или выходные, или отпуск, я продолжаю вкалывать, как папа Карло. Никогда не отстаиваюсь.

– Но сюда же ты приехала? Отдохнуть?

– Эту неделю я буквально выгрызла зубами из моего расписания. Спасибо Натке, уговорила, уломала. Я даже не припомню, когда я куда-нибудь ездила просто так, а не по делам.

– Скажи, тогда в институте ты дружила с Игорем. Причём, насколько я помню, у него была девушка, а у тебя – парень. Но вашей дружбе это не мешало.

– Игорь, – вздохнула я. – Да. Было дело.

– И что? Где он сейчас?

– Именно с Игорем мы и затеяли общий бизнес, когда осознали, что врачи из нас получились хреновые. Открыли фирму, стали торговать медицинским оборудованием...

Я нахмурилась. Воспоминания о друге будили двойственные чувства. С одной стороны, пятнадцать лет дружбы, словно годы долгого и счастливого брака, из жизни не вычеркнешь. Сколько хороших моментов сохранилось в памяти – то, как мы подписали первый крупный контракт, то, как переехали в новый офис, как проводили «мозговой штурм», как поддерживали друг друга и пили шампанское, празднуя победы...

Да, мне есть, что вспомнить... Но два года назад наша дружба лопнула, как мыльный пузырь. Потому что Игорь ужасно меня подставил...

– О, нам туда! – кивнула Кристина в сторону красивой арки.

И мы совершили головокружительный марш-бросок по улице Фош, грабя фешенебельные магазины.

Конечно, мы с Кристиной были в неравных финансовых условиях. Не зря она уточнила, является ли для меня сумма в триста евро значительной. Приятельница тратила то, что ей удалось сэкономить за несколько месяцев в преддверии поездки. С зарплатой врача особо не разгуляешься, сама знаю, ведь работала в поликлинике. С тех пор ничего не изменилось – как были рядовые медики нищими, так и остались...

Вчера вечером, когда мы ужинали в саду, завязался разговор на экономические темы. Было интересно сравнить жизнь в двух странах, узнать, кто сколько платит за жильё, за коммунальные услуги, ужасны ли налоги. Виржини подробно расписала свой бюджет, а потом поинтересовалась, сколько получает Кристина.

– Приблизительно... Триста пятьдесят евро, – подсчитала в уме приятельница.

– Это в неделю? Так мало?! – изумилась Виржини.

– Нет, что вы, в месяц!

...Поэтому Кристина в магазинах особо не буйствовала, вещи выбирала придиричиво. А я всю дербанила карточку, привязанную к банковскому счёту моей фирмы «Современные медтехнологии» и потому практически бездонную. Кристина купила два платья, я – целый ворох одежды для Натки. Но и себя, конечно, не обидела.

Улицу Фош украшала очаровательная Триумфальная арочка – копия той, что высится на площади Этуаль в Париже, только в два раза меньше. Мы миновали арку несколько раз, пока метались по магазинам, и рассмотрели её со всех сторон. В конце концов вернулись на Променад дю Пейру, купив по дороге половинку испанского арбуза.

Пикник на скамейке в прохладе под сенью деревьев был чудесен. Мы ковыряли сладкий арбуз пластмассовыми ножами и вилками. Морской бриз трепал наши волосы, охлаждал плечи. Огненный шар солнца перекачивался над кронами деревьев, сверкая сквозь листву короткими вспышками.

– Ты заметила, сколько старушек в дорогих магазинах? – спросила Кристина.

– Насколько я поняла, они тут главные покупательницы. Продавщицы танцуют вокруг них канкан, пока те выбирают маечки со стразами или мини-платья на бретельках. Ни в чём себе не отказывают.

– Почему-то молодёжи в бутиках не встретишь.

– Мне кажется, здесь, во Франции, молодёжь – самая бедная часть населения. А дамы элегантного возраста могут себе позволить одежду подороже. Наверное, у них пенсии, накопления, акции, страховки. Посмотри на мадам Ларок. Наша Виржини наверняка тоже постоянно пасётся в «дольче-габбана» и «версаче».

– У нас всё наоборот.

– А как выглядят эти французские бабули! Они меня поражают, – призналась я. – Издалека и не поймёшь, что перед тобой давно уже не девочка. И даже не тётя.

– Вот-вот, смотри, – прошипела Кристина, кося глазами в сторону двух подобных экземпляров.

Я осторожно повернула голову вправо и увидела двух девушек. Нет, серьёзно, а как ещё назвать стройных мадемуазель на высоченных шпильках, в мини-юбках и открытых маечках? У одной был иссиня-чёрный «конский хвост» до талии, у другой – эффектное «каре». Плюс масса украшений – браслеты, кольца, серьги... И только на близком расстоянии становилось ясно – «девушкам» давно за семьдесят!

Барышни хохотали и переговаривались о чём-то, сияя белоснежными зубами. Лица у них были загорелыми и морщинистыми.

Они и нас одарили радостными улыбками:

– Бонжур! Бон аппети!

– Бонжур! Мерси, – лихо ответила я по-французски.

– Я сейчас сфоткаю их, – шепнула Кристина, шаря в сумке.

– Перестань, неудобно, – сказала я и помахала «девчатам» рукой.

Мы доковыряли арбуз, превратив его в полусферу, похожую на каску пехотинца, и выкинули в мусорку.

Глава 5

Безумная новость

И вот, перебирая воспоминания, словно хрустальные чётки, я мысленно добралась до четверга, до той границы, откуда начиналось полное забвение...

День стартовал прекрасно, как и все остальные, было солнечно и прохладно. Как говорится, ничто не предвещало. Я приготовилась с восторгом отдаться ещё одному волшебному дню, но никак не могла запретить себе думать о работе. Совершила ритуальный обзвон – Тане, секретарше Вике, главному бухгалтеру, в отдел продаж. Все удивлялись не тому, что я контролирую их даже из Франции, а почему не звоню каждые двадцать минут.

– Бьёшь себя по рукам? – догадалась Татьяна, совладелец компании.

– Елена Владимировна, вы что, телефон вчера в море утопили? – нервно спросила Вика. – Я жду-жду, а вы всё не звоните! Пожалуйста, у меня опять накопилась бездна вопросов. Спросить, как вы понимаете, не у кого. Потому что Татьяна Николаевна вообще ни в чём не разбирается! – сдавленно прошипела она...

В четыре часа я бросила арендованный «Ситроен» на одной из улочек с булыжной мостовой в районе площади Комедии – главной площади города, где перед Оперным театром красовался заросший зеленью фонтан Трёх граций. Прогулялась по центру, заполненному толпами весёлой молодёжи, не спеша добралась до площади Жана Жореса. Там, под большими навесами, шумели уличные кафе. Туристы и студенты в атмосфере всеобщей расслабленности и легкомыслия потягивали напитки и вели бесконечные беседы, в то время как между столиками ловко маневрировали официанты. На тротуаре стояли громоздкие чёрные доски-треноги, исписанные мелом, или изящные пюпитры с меню. Гул голосов и звяканье приборов, звон посуды и смех висели над площадью, словно густое марево.

Я сидела за столиком, наблюдала за бесконечным перемещением народа, а в голове, сцепившись зубчиками, работали шестерёнки: главный бухгалтер подбросила проблему. Ощущение праздничной беззаботности как рукой сняло...

Мы договорились с Наткой, что перекусим в кафе после занятий, а потом придумаем себе какое-нибудь развлечение.

Я издала увидела мою крошку – она шла в толпе друзей и, очевидно, являлась эпицентром их маленькой компании. Лица немोक были обращены в сторону дочери, высокий бразилец шёл, склонившись к её плечу, и что-то рассказывал, а черноглазая венесуэлка держала Натку за руку.

Поднявшись из-за стола, я помахала ребятам, чтобы привлечь внимание дочери. Вскоре она попрощалась с одноклассниками и подошла ко мне.

– Ты сегодня обедала?

– О, да! Сlopала сэндвич из багета.

– Где взяла?

– Купила!

– Да неужто? – удивилась я.

Бесконечные лотки и витрины с едой являлись неотъемлемым атрибутом пешеходных улиц города. Открытые магазинчики под зелёными и красными балдахинами соблазняли прохожих бриошами, круассанами, пончиками, миндальными пирожными «macarons» всех цветов радуги и живописными сэндвичами из разрезанных багетов с начинкой из салата, ветчины, козьего сыра и так далее.

Но дочь если и делала поползновения в сторону соблазнительной уличной еды, то лишь мысленно. И дело было не только в желании сохранить фигуру...

Помню, как-то в Париже мы с ней решили перекусить на скорую руку между двумя экскурсиями. В районе метро Бланш, рядом со знаменитым кабаре «Мулен Руж», подстёгиваемые голодом, сгоряча заскочили в палатку, где смуглый араб жарил «les stêpes» – огромные блины диаметром в полметра. Нафаршировав, он сворачивал их треугольником.

– Jambon et fromage, s'il vous plaît, monsieur, – заказала Натка и тут же перевела мне: – Возьму с ветчиной и сыром.

– Отлично. И мне то же самое! Скажи ему.

Араб тем временем приступил к манипуляциям: щедро навалил резаной ветчины на распятый на плите солнечный блин, подхватил из контейнера горсть тёртого сыра... Мы с дочкой впали в оцепенение, не в силах отвести взгляда от его тёмных пальцев с серыми ногтями... Он и не подумал надеть одноразовые перчатки!

Как можно?!

У Натки, вероятно, остановилось сердце. Потрясённый до глубины души ребёнок, не дыша, следил за движениями повара. Вот он, бросив на нас маслянистый взгляд, добавил начинки, типа, «для красивых девушек ничего не жалко!». Одновременно принял мелочь – семь евро монетами – и бросил в ящик кассы. Почесал затылок, потом висок, вытер руки о замызганный передник... И в конце концов вручил нам по увесистому горячему конусу, завернутому в салфетки.

– Я это есть не буду, – прошептала дочь.

Мы удалились на пять метров от палатки и отдали добычу бездомному, клошару. Они в этом районе встречались в избытке...

Насколько я поняла, и здесь, в южном средиземноморском городке, царили столичные нравы: продавцы подавали покупателям бриоши и багеты голыми руками. Нам с Наткой это казалось дикостью. Представляю, какой бы поднялся гвалт, если бы такой фокус попыталась проделать продавщица у нас в магазине. Её бы сожгли на костре негодования.

Но здесь, очевидно, существовали другие стандарты чистоты.

Что поделаешь, везде свои обычаи!

Вот почему я удивилась, узнав про съеденный Наткой сэндвич. Наверное, дочь умирала от голода, раз поступилась гигиеническими принципами...

Вообще, я считаю, что ребёнок чересчур загрузил себя на курсах. Могла бы не брать индивидуальные уроки после обеда или, наоборот, отказалась бы от групповых по утрам. Но Натка, вероятно, решила выжать всё возможное из месяца занятий и вернуться домой синхронным переводчиком.

Мы заказали салат.

– А ты знаешь, кто такой Жан Жорес? – спросила Натка.

– Конечно, – не моргнув глазом ответила я. – Тот солидный бородатый чувак, что стоит в центре площади.

– Но кто он?

– Доча, нехорошо напоминать мамочке о некоторых пробелах в её образовании. Если ты уже посмотрела в Интернете, чем прославился этот суровый дядька, то просто скажи. И всё.

– Угу. Он – видный французский политический деятель, социалист, историк и философ. Его застрелили в парижском кафе в тысяча девятьсот четырнадцатом, в год начала Первой мировой войны. Это из-за него в Советском Союзе стали называть мальчиков Жоресами.

– Вон откуда ноги растут! Так значит знаменитый Жорес Алфёров, нобелевский лауреат, красавец-мужчина, обязан именем этому самому французу? – я кивнула в сторону памятника.

– Получается, что так.

– Ух ты!

– И кстати... Ты помнишь Анатоля Франса? Мы говорили о нём недавно.

– Конечно.

В тот же вечер, когда Натка процитировала знаменитого литератора, я нырнула в Интернет и бегло просмотрела несколько его произведений. Теперь могу поддержать в течение полчаса беседу в кругу профессоров филологии. Если хочешь говорить со своим ребёнком на одном языке, надо разделять его интересы. Мне ещё очень повезло, что Натка увлекается литературой, а не биологией. Иначе пришлось бы изучать способы размножения мокриц, а это, подозреваю, жуть!

– И что насчёт Анатоля Франса?

– Они с Жаном Жоресом были близкими друзьями.

– Круто.

Но потом я вдруг отключилась от действительности.

Натка и дальше что-то рассказывала, она безостановочно щебетала, но я ничего не слышала. Проблема, поставленная передо мной бухгалтером, занимала все мысли, необходимо было как можно быстрее её решить и дать распоряжения.

Когда руководишь собственным делом, производственные проблемы – твоя круглосуточная головная боль. Их более чем достаточно. Вот и сейчас я вдруг поняла, что поступила ужасно неосмотрительно. Как я могла на целую неделю удрать в Монпелье?! О чём я думала! Я словно сбежала с поля боя, бросив на произвол судьбы беспомощных солдат и военную технику.

Нельзя мне было уезжать.

– Извини, – коротко бросила я дочери. – Надо позвонить.

– Ну, мама! – возмутилась Натка. – Мы же договаривались! Ты обещала целую неделю не заниматься делами, а думать только обо мне.

– О тебе я думаю всегда! Денно и ночью!

Произнесла пафосную тираду, набрала номер главного бухгалтера и принялась диктовать план действий. Затем позвонила Татьяне. И снова – главному бухгалтеру. А дочь тем временем обиженно ковырялась в тарелке с салатом.

– Мама, у меня для тебя сообщение, – заявила Натка спустя минут двадцать и выпрямилась на стуле.

– Подожди минутку, – бросила я, прикрыв рукой трубку. – Уже заканчиваю.

– Мама, я беременна.

А-а-а-а!!!

Не знаю, как мне удалось поймать айфон в двух миллиметрах от земли...

Я судорожно сжала спасённый аппарат в ладони, внезапно ставшей влажной, и чуть слышно произнесла онемевшими губами:

– Что ты сказала сейчас?

– Ну, это самое.

– Ты беременна, – повторила я, положила айфон на стол и прижала пальцы к вискам. – Ты беременна... Ты беременна...

– Да, – криво улыбнулась Натка. – А что? Ты недовольна? Ребёнок – это счастье. Ты сама так всегда говорила... Разве нет?

– Я говорила о своём ребёнке, а не о твоём! А я тебя родила, между прочим, в двадцать четыре. А не в шестнадцать!

– Мне будет уже семнадцать. Вполне приемлемо.

– Боже мой, боже мой, боже мой, – как заведённая бормотала я. – Ты беременна. Это произошло... Случилось...

– Ты боялась услышать подобную новость гораздо раньше? – проницательно догадалась Натка.

– Ещё бы! С тех пор, как в четырнадцать лет ты связалась с этой гориллой... Мишка! Вот гад! Убью! – воскликнула я.

Компания за соседним столом удивлённо обернулась в нашу сторону. Но я не сдерживала эмоций:

– Подлец и негодяй! А ведь я его предупреждала! Я столько раз его предупреждала!

– Серьёзно? – удивилась дочь. – Ты вела с ним просветительские беседы об опасности ранней беременности?

– Сейчас как дам больно, будешь у меня тут острить! – рявкнула я. – Сиди и помалкивай, чучело беременное! В воскресенье вернусь домой и сделаю фарш из твоего козла!

– Мам, мам, да я же пошутила! – испугалась Натка. – Это была неудачная шутка! Правда!

– Да кто ж тебе теперь поверит? Обратно в кусты? Призналась, теперь я всё знаю! Ну, Мишка, ну, скотина! Да я...

Тут я задохнулась и прикусила язык. Как бы сильно я сейчас ни злилась, произносить при ребёнке все те слова, что рвались с губ, я не могла. Поэтому целых три минуты беззвучно давилась ругательствами. Так нельзя. Мат требует яростного извержения, иначе можно запросто спалить себе внутренности.

Натка смотрела на меня во все глаза, я видела, как пульсируют её зрачки, наливаясь страхом, как дрожат губы.

– А ведь ты специально уговорила меня уехать, – внезапно поняла я. – Чтобы у меня не было возможности сразу же прибить эту сволочь! Ну, Мишка, погоди, подлая рожа, я тебе устрою!

К нашему столику с опаской подошёл официант и что-то спросил у Наташи, поглядывая в мою сторону. Дочь быстро ему ответила.

– Спрашивает, всё ли у нас в порядке.

– Да, у нас всё в абсолютном порядке! – с сарказмом выдавила я.

И тут увидела Кристину. Яркая и солнечная, в коротком платье жёлтого, почти канареечного цвета, она пробиралась к нашему столику и радостно улыбалась.

– Девчонки, привет!

Она сразу поняла, что у нас что-то произошло.

– В чём дело?

– Моя дочь беременна, – зло сообщила я.

– Ах! – восхитилась Кристина и засияла ещё ярче. – Какая прелесть! Вот это новость! Поздравляю! Боже, это обязательно надо отметить!

Передохнув минутку от восклицаний, она озабоченно добавила:

– Натуся, крошка, а как ты себя чувствуешь? Давление не скачет? Не тошнит? Токсикоз не мучает? А какая у тебя неделя? Давай-давай, скорее рассказывай!

– Всё хорошо, Кристина Эдуардовна.

Мне вдруг стало стыдно. Вместо того чтобы орать на дочь, лучше бы я поинтересовалась её самочувствием. Быть беременной – то ещё удовольствие!

– Ах, у вас будет ребёночек, какое чудо! Вы счастливые! – продолжала ворковать Кристина. Она едва не прослезилась от умиления. Вероятно, уже представила себе бело-розовый комочек, хаотично дрыгающий маленькими ножками и ручками.

Хм-м, его сначала родить надо!

– А можно я пойду домой? – жалобно попросила Натка. – Нам дали на завтра такое задание – ужас. Сообщение о знаменитом соотечественнике, написанное в *Passé Simple*. Это сложная грамматическая форма.

– Давай езжай, – разрешила за меня Кристина. – Твоей мамочке явно надо прийти в себя. Она в шоке от привалившего ей счастья.

– Можно?

– Иди, – буркнула я. – Вечером поговорим.

- Стоять, – остановила Натку Кристина. – О ком будешь писать сочинение? Наверное, о Владимире Путине?
- Вообще-то, я хотела о Юрии Гагарине, – чуть слышно пролепетала дочь.
- Ах, вот как? – удивилась Кристина. – Как тонко! Ты настоящий дипломат. Отличный выбор!

Глава 6

Безрезультатное взятие Бастилии

И вот сейчас уже пятница...

Виржини напряжённо наблюдала за мной, готовая по первому знаку приступить к полномасштабным поискам Натки. Шёл десятый час вечера. Мой ребёнок не только не вернулся с занятий, но даже не добрался утром до школы.

Я вспомнила, как вчера мы расстались на площади Жана Жореса, как она уходила, пробираясь между столиками уличного кафе, и у меня сжалось сердце. Я накричала на неё... И вот...

– Мы должны обратиться в полицию, – решительно заявила я Виржини. – Прямо сейчас. Пусть что-то делают. А если вчера дочка не доехала до дома? Вдруг на неё напали? Какая-нибудь гопота, фрики, клошары, бомжи? А?

– Пардон, мадам, я...

Виржини ошарашенно моргала и что-то взволнованно бормотала. Боюсь, она не понимала и восьмидесяти процентов моей речи, однако улавливала суть и настроение.

– Так. Вы ночевали у мамы. Мы с Кристиной вернулись – о боже, во сколько же мы вернулись? – очень-очень поздно. Значит Натка сидела одна дома. Если только добралась до него. А вдруг поздно вечером она решила прогуляться? Господи! Что же делать? Нам обязательно надо в полицию!

Ключевое слово «полиция» мадам уловила молниеносно. И через пару минут мы уже ехали по вечернему Монпелье на «пежо», ловко управляемом Виржини. Не знаю, правда, зачем стоять на красном светофоре, если на улице ни души... Тем не менее поездка заняла не более пятнадцати минут, и мы вошли в ярко освещённое здание.

Виржини взяла на себя функции посредника между мной и представителем власти. Тот, как выяснилось, тоже, как и мадам, изъяснялся по-английски с виртуозностью глухонемого, а уж русского и вовсе не знал.

Они разговаривали минут пять, полицейский – привлекательный молодой мужчина, черноволосый и кареглазый, – внимательно слушал Виржини, посматривая в мою сторону, и кивал. Мадам волновалась, она отчаянно жестикулировала, звенела браслетами, дотрагивалась до локтя мсье. Тот произвёл на меня благоприятное впечатление: я увидела перед собой в высшей степени компетентного полицейского, заинтересованного в судьбе моей дочери не меньше, чем я сама.

– Attendez, mesdames, s'il vous plaît, attendez!¹ – произнёс он наконец, кивая на стулья, установленные вдоль стены.

Виржини потянула меня за руку, предлагая приземлиться. Я поняла, что полицейский просит подождать.

– Ждать, – подтвердила мою догадку Виржини. – Ждать, сидеть, терпение.

Я уселась на стул и сразу принялась трясти коленом и нервно сжимать ладони, не в силах справиться с нервами. Мадам сочувственно гладила меня по плечу и что-то бормотала. Моё прыгающее загорелое колено (я была в платье) привлекало к себе внимание каждого полицейского, появлявшегося в участке. Они беспрестанно курсировали туда-сюда, переговаривались, смотрели в компьютер, установленный на рабочем столе за высокой стойкой.

¹ Мадам, подождите, пожалуйста! (фр.)

Наконец моё терпение лопнуло. Я подскочила к стойке и хлопнула по ней ладонью. Каре-глазый красавчик удивлённо поднял брови и что-то быстро заговорил. Мадам Виржини тут же переполошилась и попыталась вернуть меня на место. Я отбивалась.

– Говорите по-английски, мать вашу! – рявкнула я. – Speak English! Сколько я тут буду у вас сидеть? Почему вы не ищете мою дочь? Она маленькая, ей всего шестнадцать! Я не знаю, где она! Уже ночь! Какого (...) вы (...) здесь (...)?!

Мадам в изумлении смотрела на меня. Полицейский вспыхнул, напрягся, я прочитала его мысли. Он успел подумать: «Эта бешеная русская баба сейчас всё тут разнесёт! Они же дикие! У них медведи и сорокоградусные морозы! Нормальные люди в таких условиях не выживают!»

Они загалдели хором – Виржини и полицейский. А я тем временем погружалась в малиновое пламя ярости. Когда я начинаю бушевать в своём офисе, подчинённые выпрыгивают из окон. Но обычно они стараются не доводить меня до такого состояния.

Полицейский сразу куда-то убежал, а вернувшись, жестом пригласил следовать за ним.

– Вот видите, Виржини, у вас тоже без скандала ничего не решается.

Мы преодолели коридор, свернули за угол и вскоре очутились в маленьком кабинете, где нас встретил ещё один солидный господин, очевидно, уже рангом повыше. Этот мужчина также выглядел в высшей степени привлекательно: седая короткая стрижка, окладистая борода, загорелая кожа, пронизательные голубые глаза... Но мне, конечно, было абсолютно наплевать на внешние данные этого очаровашки, самое главное – займётся ли он поисками моей дочери?

Мадам Виржини вновь пустилась в пространные объяснения...

* * *

В половине двенадцатого мы возвращались домой по тёмным улицам Монпелье несолоно хлебавши. Виржини выглядела подавленной, если не сказать пришибленной. Таинственное исчезновение Натали её обеспокоило, а моё поведение в полицейском участке – ужаснуло. Мадам приложила невероятные усилия, чтобы предотвратить катастрофу: я собралась разнести по кирпичику здание полиции и выщипать – волосок за волоском – седую бороду инспектора Фалардо...

Ироничная усмешка инспектора меня доконала. Я довольно долго – и беспомощно – наблюдала, как Виржини рассказывает ему о нашей проблеме. Полицейский терпеливо слушал, поглядывая на меня. И в конце концов это сексапильное бородатое чудовище заявило... что моя дочь решила переночевать у бойфренда! Да-да, и вчера, и сегодня... Ах, у девочки нет бойфренда, здесь, в Монпелье? Так вы просто не в курсе! Наверняка бойфренд уже появился. Вы в нашем городе с воскресенья, значит дочка давно обзавелась поклонником. О-ля-ля, молодёжь, у них всё быстро, очень быстро! Успокойтесь, мадам, ваша дочь скоро вернётся!..

Вот, как мадам Виржини объяснила мне слова инспектора: мадемуазель и гарсон, сразу амур, дружба, гулять, спать дома, где мальчик жить, там спать, надо терпеть немножко подольше, девочка вернуться, мама спокойная.

Уловив суть сказанного инспектором, я заскрежетала зубами и едва ли не бросилась на Фалардо с кулаками.

Да он спятил что ли?

Какую чушь он несёт!

Как ему объяснить, что моя дочь так не поступила бы? Во-первых, она не пропустила бы целый день занятий в школе, то есть шесть часов языковой практики. Для Натки это драгоценность. Во-вторых, парень, бойфренд у неё есть в России. Она даже от него беременна. В-третьих, завтра, в субботу мы планировали поехать в Камарг – там нас ждали розовые фламинго и необыкновенные белые лошади. В-четвёртых...

Так. А что в-четвёртых?

И тут я погрузилась в тягостные размышления.

Что у нас произошло вчера? Да, на площади Жана Жореса мы разыграли настоящую греческую трагедию. Дочь призналась, что беременна, а я закатила скандал. Накричала на неё. Пообещала убить Мишу сразу же, как только вернусь в родной город.

Безусловно, это обещание напугало Натку. Ведь она могла не раз наблюдать, с каким блеском я провожу карательные мероприятия в офисе компании, как летят во все стороны клочья шерсти и куски мяса. Раззудись плечо! В гневе я страшна – прибью не моргнув глазом...

Наверное, Натка сразу нарисовала в воображении страшную картину: буйная мамаша возвращается домой и делает отбивную из её бойфренда, отца ребёнка...

А ведь я даже не спросила, какой у неё срок! Кристина спросила, я – не удосужилась... Месяц? Два? Три?

Что я натворила...

Где сейчас моя маленькая девочка?

* * *

Оставалась призрачная надежда обнаружить Натку в её комнате, когда мы приедем домой. Ну, хорошо, погуляла, оторвалась на всю катушку с друзьями и явилась обратно с повинной головой...

Увы, ничего подобного! Коттедж мадам Виржини хранил безмолвие.

Даже Кристина так и не вернулась со свидания со вторым кандидатом. Наверное, они с Грегуаром сняли комнату в гостинице и сейчас проверяют друг друга на выносливость.

Вот если бы Кристина сейчас была дома... Я бы схватила её в охапку и рванула обратно в полицейский участок. Адрес запомнила. Вдвоём – моя материнская ярость плюс Кристино безупречное знание французского – мы смогли бы вдолбить в головы тупых полицейских, что необходимо немедленно начать поиски ребёнка. Прочесать кварталы, закоулки, подъезды, отправить вертолёт с прожектором...

Я зашла в комнату дочери и внимательно просмотрела её вещи. Вот лежит пластиковая папка с учебными материалами. Это говорит о том, что вчера дочь всё же до дома добралась. Но сегодня утром уже в школу не пошла, иначе обязательно взяла бы папку с собой.

Я перевернула одежду в стенном шкафу. Так, не хватает ветровки, джинсов и маленького рюкзака...

Как же так? Получается, Натка действительно сбежала? Спряталась от материнского гнева? Придумала хитрый план: сначала она заставит меня поволноваться за её жизнь, а потом вернётся обратно, и я буду настолько счастлива увидеть ребёнка в целости и сохранности, что больше не стану ругать?

Неужели она могла так со мной поступить?

Но я согласна, согласна, пусть всё именно так и будет! Это самое лучшее и безобидное объяснение для её исчезновения. Только бы не думать о том, что она лежит где-нибудь изувеченная и бездыханная или рыдает в каком-нибудь подвале, прикованная к батарее маньяком...

Я посмотрела на стенные часы и поняла, что давно наступила суббота. Стрелки на циферблате показывали три часа ночи. Я поджаривалась на медленном огне собственных жутких фантазий, моё воображение рисовало картины одна страшнее другой. Перед глазами мелькали кадры из сводки чрезвычайных происшествий.

Боже, верни мне мою дочь!

Я вышла из комнаты и, миновав маленький холл, толкнула дверь Кристины.

Закрыто.

Внизу на кухне надрывно вздыхала и постукивала чашками мадам Виржини. Ей не спалось, как и мне, она переживала из-за Натки.

Когда же вернётся Кристина? Сколько можно развлекаться с Грегуаром? У меня тут такие дела происходят... По крайней мере, однокурсница могла бы объяснить, чем закончилась наша вечеринка в четверг после ухода Натальи. Какую же отраву и в каких количествах мы в себя влили, если я до сих пор ничего не помню? Что мы пили – вино, водку, текилу?

Если текилу – то это конец. Она мне противопоказана, даже закрытую бутылку брать в руки нельзя...

– Элен? Не спать?

Передо мной стояла мадам Виржини в халате до пят. Её спальня тоже находилась на втором этаже. Без макияжа и многочисленных украшений, после нервного вечера и поездки в участок Виржини выглядела лет на двадцать старше, чем днём. Доставили мы ей хлопот...

Мадам вопросительно указала на дверь Кристининой комнаты, покачала головой и развела руками. Я поняла, что долгое отсутствие квартирантки её удивляет.

Но Кристина – взрослая дама, и она сама за себя отвечает. Возможно, инженер Грегуар оказался намного лучше, чем может вообразить русская невеста...

И вдруг мой мозг пронзила молния, и перед глазами возникла яркая картинка. Я совершенно чётко увидела нас с Кристиной за столиком на площади Жана Жореса... А рядом – двух улыбающихся парней.

Точно! Там были парни.

Наконец-то ко мне вернулась память!

Они к нам подсели – два молодых испанца. Двадцатипятилетние парнишки с чёрными кудрями и крепкими загорелыми плечами, в майках и джинсах... Сначала с испанцами хихикала одна лишь Кристина, так как я всё ещё пребывала в шоке от Наткиного признания. Мне требовалось время, чтобы успокоиться, чтобы представить себя в образе бабули, воркующей над крошечным внуком...

Затем на столе появилась бутылка вина, и после двух бокалов будущее уже показалось мне менее мрачным.

А дальше – занавес.

Память снова укрыта плотным чёрным покрывалом. Как отрезало... А вдруг испанские ловеласы предложили нам попробовать галлюциногенных грибов или какой-нибудь другой отравы – а мы с Кристиной согласились (чего уж там, один раз живём!).

Чем ещё объяснить мою амнезию?

Глава 7

Всё приходится делать самой!

В половине девятого утра после ночи, проведённой в лихорадке, я уже стояла у массивных дубовых дверей здания, где размещалась Наткина языковая школа. Подёргала металлическое кольцо, рассмотрела мраморную табличку с золотыми буквами...

Узкая и кривая средневековая улочка в сотне метров от площади Комедии хранила ночную прохладу. Солнце заглядывало сюда нерешительно и осторожно, словно боялось провалиться в каменный колодец.

Без пяти минут девять вместе с преподавателями, администраторами и студентами я вошла в школу и посвятила несколько часов расспросам. От полиции помощи не дождёшься, поэтому я сама взялась за дело. Терзала и учителей, и Наткиных одноклассников, надеясь получить хоть какую-то информацию о дочери.

Мне искренне сочувствовали и старались помочь.

Сотрудники учебного заведения нервничали. Школа долгие годы ежемесячно принимала сотни студентов всех возрастов, и всегда обходилось без происшествий. Никто не травмировался, не исчезал, не попадал в криминальные истории. И вот надо же – пропала эта очаровательная маленькая блондинка, русская...

* * *

В два часа дня я удачно втиснула «Ситроен» на свободное местечко всего в двадцати метрах от полицейского участка и мысленно пожелала себе, чтобы и в остальном мне так же повезло.

Выйдя из автомобиля, я глубоко вздохнула. С моря дул свежий ветер, а в машине, взятой напрокат, почему-то появился неприятный запах. Даже кондиционер не спасал. Этот странный запах возник ещё утром, а сейчас, после того, как «Ситроен» постоял на солнце, только усилился...

Тут же вспомнилось, как однажды осенью Игорь, мой бизнес-компаньон и друг, три дня доставал меня жалобами на дикую вонь в машине. Прямо замучил нытьём, я даже ему сказала: иди и купи новый джип, только перестань меня терроризировать. Игорь, умница, корпоративные денежки тратить не стал, а отогнал машину в автосервис, и там довольно быстро обнаружили источник божественного аромата – тухлую сельдьку. Как она попала в чрево автомобиля? Приплыла из Атлантики, чтобы залезть в машину Игоря и там, наконец, спокойно помереть? А что, запросто! Учитывая, какие реки и моря разливаются на дорогах города каждой осенью...

Ничего не поделаешь, придётся потерпеть этот неприятный запах, потому что мне некогда разбираться, не припрятана ли где-то в «Ситроене»дохлая мышь. По идее, завтра я должна отогнать арендованный автомобиль к офису, расположенному на вокзале, и вернуть ключи.

Я хлопнула дверцей, набрала в лёгкие побольше свежего воздуха и направилась к входу в здание...

Юг Франции – удивительное место! Стоит на мгновение задержать взгляд на прохожем, и человек тут же говорит тебе «бонжур» и одаривает радостной улыбкой. А так мой взгляд напряжённо шарил по лицам встречаемых людей – словно я хотела спросить у них, не видели ли они мою дочь, – то улыбки и приветствия неслись со всех сторон. Нет, сейчас они меня не радовали, я была слишком измучена страхом, чтобы поддаться атмосфере весёлой беспечности, царящей в этом городе...

Я миновала каменное крыльцо, сбитое за тысячу лет миллионами подошв, и очутилась в полицейском участке. Вот, опять сюда приехала, теперь уже самостоятельно, без сопровождения мадам Виржини. Сейчас никто не будет сдерживать мою агрессию и испуганно шептать, чтобы я успокоилась. И поэтому, надеюсь, мне удастся раскрутить полицейских на полномасштабные поиски дочери.

Дежурный с ночи поменялся, его коллеги – тоже, я не увидела ни одной знакомой физиономии. Однако новый полицейский, едва услышав о причине моего визита, сразу закивал и сообщил, что «моим делом» занимается инспектор Фалардо.

Да, начало было обнадеживающим. Во-первых, я сразу же наткнулась на человека, не пренебрегавшего в детстве уроками английского, а во-вторых, меня здесь уже знают. Ещё бы! Я сделаю так, что они засыпать и просыпаться будут с моим именем на устах!

Но пока меня попросили подождать – опять на том же самом стуле у стены. «Атандэ, мадам, атандэ», – эту фразу я теперь распознавала безошибочно.

У стены томила живописная дама – грузная негритянка в белоснежном спортивном костюме с серебряными лампасами. На голове у неё красовалась шляпа с вуалью и цветами, на ногах – розовые носки в сеточку и золотые босоножки с тонкими каблучками.

Дама бросила на меня из-под вуали царственный взгляд, но тут же расцвела в улыбке и забормотала что-то на своём языке, похлопывая ладонью по соседнему стулу – очевидно, приглашала сесть рядом.

Ожидание было долгим и томительным, жизнь в участке бурлила, в помещении гулял сквозняк из-за постоянного перемещения тел, все вокруг выглядели занятыми и гиперозабоченными. Я три раза штурмовала барьер, отделявший полицейского от «зала ожидания», и требовала уделить мне внимание, но в ответ слышала просьбу подождать ещё немного, производимую со смесью раздражения, учтивости и высокомерия...

И только в половине четвёртого появился, распространяя аромат хорошей туалетной воды, инспектор Фалардо. У него под глазами залегли фиолетовые тени. Видимо, как и мне, поспать ему этой ночью тоже не удалось.

Вежливо поприветствовав, он жестом пригласил меня следовать за ним и что-то сказал полицейскому, после чего тот сразу поднялся с места и устремился за нами. Вскоре я поняла, что этого мсье пригласили в кабинет в качестве переводчика. Надо признать, он был гораздо эффективнее милой Виржини.

– Успокойтесь, мадам, я понимаю, как вы нервничаете, – начал инспектор Фалардо. – Но мы провели небольшое расследование, и я думаю, причин для беспокойства нет.

– Вы шутите? Вы издеваетесь надо мной?! – подпрыгнула я на стуле.

Инспектор и переводчик обменялись взглядами, так, словно говорили друг другу: «О, боже, и откуда она взялась на нашу голову!»

– Дело в том, что в четверг вечером вашу дочь видела соседка особняка, где вы арендуете комнаты.

– Да? – напряглась я. – И что она сказала?

– Ваша дочь шла по улице в компании симпатичного молодого человека. Они оживлённо разговаривали. У мадемуазель на плече был небольшой рюкзачок.

Я резко сдулась, опала вниз, как бисквит, вынутый из печи. Безумие последних суток, неизвестность, страх доконали меня. И сейчас, когда я наконец услышала хоть что-то положительное, силы меня оставили. По крайней мере, стало ясно, что дочь жива. Её никто не подкараулил в тёмном переулке, не стукнул по голове кирпичом. Она сама ушла с каким-то парнем.

– Постойте! Откуда вы знаете, что это была именно моя Наталья?

– Соседка уже встречала вашу дочь и знала, что вы разместились в доме у мадам Ларок. Кроме того, она подробно описала девушку.

Фалардо пододвинул к себе лист бумаги и зачитал описание.

– Ну что?

– Да, верно, это она.

– А парень?

– Парень соседке не знаком. На вид ему лет двадцать, тёмные волосы, светлые глаза, хорошее телосложение, рост приблизительно метр восемьдесят.

«С таким бы я и сама сбежала», – мысленно вздохнула я.

– У вас доверительные отношения с дочерью? В последнее время не возникало разногласий? Дочь обо всём вам рассказывает?

«Да! – безмолвно крикнула я в ответ. – Она мне даже сообщила, что беременна!»

Но вслух не произнесла ни слова, только кивнула полицейскому.

Инспектор Фалардо целую минуту гипнотизировал меня пристальным взглядом. Воображал, вероятно, что видит перед собой деспотичную мать – фурию и тюремную надзирательницу. Наверное, довела дочурку придирками и нотациями. И что же оставалось ребёнку? Ускользнуть, сбежать...

– Мадам, я думаю, нужно немножко подождать, и ваша дочь вернётся домой.

– Что?! Вы даже не собираетесь её искать?!

– Но, мадам...

– Я понимаю, мсье инспектор, лишняя работа никого не радует! Отдыхать от неё – национальный французский спорт. Вы переплюнули всю планету по продолжительности отпусков. Но, может, вы всё-таки преодолеете врождённую страсть к праздности и хотя бы установите личность этого красавчика? Кто он? Куда она с ним пошла? Где они сейчас? Как-никак моей дочери только шестнадцать. Разве у вас во Франции нет уголовной ответственности за связь с несовершеннолетним ребёнком?

Фалардо и переводчик вновь многозначительно переглянулись.

– И хватит переглядываться, господа! – возмутилась я. – Что вы пялитесь друг на друга, как два гея?

Вторую фразу я, сделав усилие, зажевала, произнесла её нечётко и вполголоса. А то ещё привлекут за оскорбление полиции.

Тут в моей сумке сработал брелок сигнализации. Он просигналил так громко, что все вздрогнули. Я сунула руку в кармашек и достала ключи от машины. На маленьком дисплее горела красным огнём иконка с топором. Да ладно, не взломали же дверь у моей машины, оставленной в паре шагов от полицейского участка! Кому она нужна! Наверное, ложная тревога. Автомобильные сигнализации обожают срабатывать от дуновения ветерка, особенно в три часа ночи. Это их невинное развлечение, чтобы хозяину жизнь мёдом не казалась.

– На чём мы остановились? Ах, да! Значит так. Вы обязаны найти этого парня.

Инспектор Фалардо скривился. Очевидно, он предпочитал позицию сверху. А я всё время пыталась уложить его на лопатки.

– Мадам, кажется, у нас тут случай из классической литературы. Ромео и Джульетта. Вам эти имена о чём-нибудь говорят?

– Нет, мсье. Видите ли, я тупая и необразованная мать-мегера, которая довела своего ребёнка до крайности.

– Вы слишком самокритичны, мадам.

– Я требую, чтобы вы немедленно нашли этого парня! А с ним и мою дочь!

– Мадам, дети сами вернутся, когда захотят. Проявите понимание!

– Вы отталкиваетесь от предположения, что моя дочь и неизвестный юноша испытывают друг к другу симпатию, возможно, даже любовь. Они – современные Ромео и Джульетта, да? Влюбились. Сбежали... Но этого не может быть!

– Вы не верите в любовь, мадам?

– Но у неё уже есть бойфренд, Миша. Он остался дома, в России...

И она, между прочим, ждёт от него ребёнка!

Но про беременность дочери я вновь не сказала ни слова, понимая, что этот факт, во-первых, выглядит как моё педагогическое упущение, а во-вторых, окончательно утвердит мсье Фалардо в мысли, что моя дочь – взрослый человек, способный принимать самостоятельные решения.

Натка и Миша вдвоём уже два года. По меркам молодёжи – целую вечность. Вот где любовь и полный консенсус. Откуда взялся этот французский донжуан? Он не вписывается в схему. Завтра у меня обратный самолёт. Как я могу улететь, если не знаю, где мой ребёнок? Полицейские просто не хотят связываться с этим делом. Им легче придумать сказку о волшебной любви, чем искать пропавшую маленькую туристку.

– Но существует ещё и любовь с первого взгляда! – продолжал плести кружева инспектор. – Поверьте, мадам, так бывает. К тому же во Франции. Тут особая атмосфера.

Меня словно проткнули иглой и выпустили весь воздух. Любовь с первого взгляда... Мне ли не знать, что это такое? Тогда, в Праге, у нас с Володей всё именно так и произошло. Словно обоих внезапно пронзила молния...

Ладно, хорошо, пусть будет любовь с первого взгляда. Но если нет?

А вдруг этот парень – маньяк, ловко привлекающий в сети маленьких глупышек? Тем более, если вспомнить о состоянии моей дочери... Во-первых, она беременна. Во-вторых, блондинка. Разве можно ждать адекватного поведения от такого человека? Да, раньше Натка была вполне благоразумна. Но теперь у неё шалаш сдуло – и надолго... Она вполне могла попасться на удочку этого обольстительного молодого незнакомца и пойти за ним. А если сейчас он издевается над моей дочерью где-нибудь в гараже?!

Я не успела поделиться мыслями с инспектором, так как дверь в кабинет приоткрылась и появившийся полицейский начал что-то взволнованно объяснять моим собеседникам. Те сразу подскочили с мест.

– Мадам, извините, вы не могли бы подождать в коридоре? – подхватил меня под локоть переводчик.

– А что случилось?

– У нас тут небольшое происшествие.

Галантно выставленная из кабинета, я, как сирота, осталась стоять под дверью – Фалардо поспешно закрыл её на ключ. Полицейские усвистели так быстро, словно на улице бесплатно раздавали красные «Феррари». Там возник какой-то переполох, суета, доносился напряжённый гул голосов.

И тут я поняла, что оставила в кабинете сумку! Меня вытолкали вон со столь внезапно...

Я ринулась вдоль по коридору, в надежде вернуть инспектора и потребовать назад имущество. Неизвестно, сколько придётся провести времени в ожидании, а я пока могла бы сделать пару звонков. Завернув за угол, с разбегу налетела на какого-то француза. Удар был довольно сильным, мы оба вскрикнули от неожиданности.

Глава 8

Да что же это такое?!

– Ой, блин! – возмутилась я, хватаясь за ушибленное плечо. – Осторожнее надо быть! Вообще-то, столкновение произошло по моей вине, но меня это не волновало. Что бы ни произошло – виноват всегда мужчина.

– Пардон, мадам! Я не хотел, простите!

Он говорил по-русски! Вот это сюрприз.

– Вы из России? – с приятным лёгким акцентом осведомился незнакомец.

Француз быстро и беззастенчиво ощупал меня взглядом. Я ответила ему тем же и убедилась, что налетела на мужчину в высшей степени импозантного и привлекательного.

Да, умею! На всякую шушуру не размениваюсь.

С Володей мы познакомились точно так же: я случайно споткнулась на пражской мостовой и упала в его объятия, не оставив товарищу шанса меня проигнорировать. Безусловно, я это сделала не специально – просто подвернула ногу. Когда выйду на пенсию, буду проводить мастер-классы для старых дев: «Как грамотно прилечь на мужика в общественном месте»...

Закончив осмотр персонажа, я мысленно отметила, что на моего Володечку француз и близко не похож – и в плечах поуже, и ростом пониже. Более того, незнакомец щеголял густой шевелюрой, а у Володьки бритый череп. Хлебом не корми, дай избавиться от волос. Один раз попробовал – понравилось, с тех пор постоянно ходит лысый. За два года знакомства я ни разу не видела, чтобы его волосы успевали отрасти хотя бы на полсантиметра.

А может, сейчас он уже обзавёлся косами?

Что у Володи произошло за месяц разлуки?

Сердце противно заныло. Сколько переживаний: ребёнок – исчез, любовник – испарился... Но вернёмся к нашим французам.

В момент столкновения волосы мужчины растрепались, длинная чёлка упала вниз, закрыв лицо. Он тут же убрал её назад, выставив на обозрение высокий безупречный лоб. У него были изогнутые чёрные брови, голубые глаза, прямой нос с хищными ноздрями, крепкий подбородок... Морщины присутствовали, но именно те, что делают лицо не старым, а обаятельным.

«Сколько же тут красавчиков! – промелькнуло в голове. – Породистый мужик. Кто он? Инспектор в штатском?»

Загадочный джентльмен был одет в дорогой элегантный пиджак и гораздо менее пафосные джинсы. На шее красовался лёгкий шарф – любимый аксессуар французских мужчин...

Ну что тут скажешь... В двадцатилетнем возрасте выглядеть на пять с плюсом можно без всяких затрат. Но чтобы в сорок лет сиять ухоженностью Джеймса Бонда – надо безудержно трудиться и основательно вкладываться в свою внешность.

– Откуда вы знаете русский язык? – спросила я у знойного красавца.

– Сначала сам учил. Потом год жил в Москве. Русский язык и литература – это моя страсть, – сказал мужчина. По всей видимости, ему доставляло огромное удовольствие общаться со мной. Он был счастлив, что я едва не сбила его с ног.

– Вы отлично говорите.

– Благодарствую, голубушка.

– Благодарствую, голубушка?! – засмеялась я.

– Что, я неуместно употребил это выражение?

– Наоборот, даже слишком!

Почему этот русофил-виртуоз не попался мне раньше? Не пришлось бы мучиться с переводом, когда я вдалбливала тупым полицейским, что необходимо начать поиски моей дочери. Новый знакомый строил и произносил фразы почти безупречно.

– Вы тут работаете?

– Боже упаси! Я не полицейский, а бизнесмен и преподаватель.

– И то, и другое сразу?

– Здесь, в Монпелье, у меня риелторская фирма. А по воскресеньям я руковожу русским клубом при университете. Веду занятия, обучаю студентов и всех желающих вашему прекрасному языку.

– А в будни торгуете квартирами?

– Квартирами, апартаментами, домами, виллами, особняками, коттеджами, поместьями, резиденциями, фермами, земельными участками, коммерческой недвижимостью. И так далее.

– Да у вас великолепный словарный запас! – восхитилась я.

– Вот спасибо! Вы даже не представляете, как приятно пообщаться с носителем языка.

С носителем языка?

Чудесное заявление! Я-то решила, что с первого мгновения очаровала его как сногшибательная женщина. Сногшибательная – и в прямом, и в переносном смысле.

– Но прежде всего, конечно, с невероятно красивой девушкой.

Вот, уже лучше!

– Позвольте, я представлюсь. Жан-Поль Флери, – отрекомендовался мужчина.

– Елена Николаева.

– Елена, – мечтательно произнёс новый знакомый, словно пробуя на вкус звуки русского языка. – Елена... Елена... Красота!

Он не стал тут же переделывать моё имя на французский манер. Мадам Виржини, к примеру, упорно называла меня «Элен».

Жан-Поль полез в карман пиджака и достал визитку, отпечатанную на тиснёной бумаге.

– Ой, нет, пока не надо, – остановила я его. – Придержите у себя. Мне её даже положить некуда. Моя сумка – там, в кабинете инспектора Фалардо.

– Да?

– Поэтому я вас едва не покалечила – мчалась за инспектором, чтобы сообщить ему, что забыла в кабинете сумку.

– Сумку, – повторил Жан-Поль. Он вновь скользнул взглядом по моей фигуре.

– Мсье, хватит меня изучать! – усмехнулась я.

– Ой, простите, сударыня, – смутился Жан-Поль. – Это происходит против моей воли. Вы настолько хороши, что я не могу удержаться. Нескромные взгляды – своеобразная расплата за вашу привлекательность. Терпите уж, раз родились красавицей.

Я на минуту потеряла дар речи, услышав этот витиеватый пассаж. Ладно бы его произнёс какой-нибудь русский паренёк, посетивший сто двадцать пять тренингов по пикапу. Но ведь Жан-Поль иностранец. Ему надо не только придумать комплимент, но ещё и перевести его на чужой язык.

Вижу, ни с тем, ни с другим мсье проблем не испытывает. Заливается соловьём. Хитрый французишка! Натренировался на богатых клиентках – вешает тётенькам лапшу на уши, убалтывает их прикупить виллу на побережье или ферму среди лавандовых полей.

– Не нахваливайте меня так, Жан-Поль! Я не квартира с гнилым паркетом и ржавыми трубами, которую вы срочно хотите кому-то впарить!

– Ах! Елена, у вас непревзойдённое чувство юмора! Впарить – это, наверное, продать?

– Да. Впарить, сбавить.

– Минуточку, я должен обязательно это записать! – Француз вытащил из кармана блокнотик с прицепленной к нему крошечной авторучкой.

Какой анахронизм!

– Впарить... Сбагрить... Отлично! Елена – вы просто находка! И поверьте, я был искренен. Вы так эффектны, что, увидев вас, я едва не забыл, зачем сюда пришёл.

Жан-Поль моментально сник, игривый огонёк в его глазах потух.

– А вы тут по какой причине? – спросила я. – Велосипед угнали?

– Я ничего не угонял! – испугался Жан-Поль.

– Нет, я имею в виду, что у вас велосипед стибрили.

– Стибрили?

– Украли. Я заметила, что тут повсюду стойки с велосипедами, по двадцать штук в ряд. И можно взять велик напрокат, заплатив несколько евро. Очень удобно.

– А! Понял. Вы думаете, что у меня украли велосипед. Вовсе нет. Я приехал на машине. Мне нужно написать заявление. Дело в том, что у меня пропал сын.

Я разинула рот от удивления. Но, очевидно, даже в этом эпическом образе не потеряла привлекательности, так как Жан-Поль продолжать преданно смотреть на меня.

– Не знаю, может быть, ничего серьёзного... Но всё же я беспокоюсь... Конечно, он совсем большой, ему девятнадцать, но раньше он всегда ставил меня в известность, когда уезжал с друзьями. А тут... Его телефон не отвечает – вот, что беспокоит меня больше всего. Я разослал сообщения друзьям Этьена, но пока ответа не получил.

– У него тёмные волосы и голубые глаза, как у вас? – осенило меня.

– Да.

– Рост – примерно метр восемьдесят?

– Метр восемьдесят три.

«И он такой же красавчик, как вы?» – добавила я про себя.

– Вы его видели? Вы что-то знаете? – всполошился Жан-Поль.

– Инспектор Фалардо утверждает, что моя дочь сбежала с привлекательным темноволосым парнем лет двадцати.

– Ваша дочь!

– Да, моя дочь тоже пропала. Она исчезла в четверг вечером. Вот уже вторые сутки от неё нет никаких вестей.

– Знаете что, – предложил француз, – нам надо поскорее найти инспектора и всё ему рассказать.

Мы с Жан-Полем двинулись к выходу.

На улице толпились люди, звучали испуганные и удивлённые возгласы, ахи, вздохи... Чёрной птицей витало над головами ощущение чего-то непоправимого. Что-то явно случилось – там, где стояло несколько припаркованных автомобилей. И мой «Ситроен» в том числе.

Странное предчувствие заставило меня замереть на месте. Словно загорелось перед глазами красное табло с надписью: «Стоять! Дороги нет!»

– Сходите на разведку, Жан-Поль. Я всё равно не пойму, о чём говорят.

Мой новый знакомый кивнул и, преодолев быстрым шагом несколько метров, вклинился в толпу. Я напряжённо ждала его возвращения.

Жан-Поль вернулся через пять минут – и его лицо было напряжённым.

– Надеюсь, это не ваш синий «Ситроен» там припаркован, – он ткнул пальцем в сторону взволнованной толпы.

– Конечно, нет! – уверенно ответила я. – А что?

– Это невероятно.

– Что?!

– Кто-то въехал ему в зад...

- «Проклятье! – подумала я. – Только этого мне не хватало!»
- ...и от удара багажник машины открылся.
 - Значит, хорошо въехали.
 - А там...
 - Что? – помертвела я. – Что там?
 - Тело женщины в жёлтом платье.

Глава 9

Ангел или демон? Я – убийца?

Одна улица, поворот, переулок, другая улица, переулок, арка, двор, третья улица... Стекланные витрины и лотки с круассанами, бриошами, тарталетками, пирожными; манекены и вешалки, выставленные на тротуар; платья, сумочки и шарфы, свисающие с распахнутых дверей маленьких магазинов; планшеты и столы с книгами, картинами, открытками; панно, залепленные сувенирными магнитами... Удивлённые взгляды, мелькающие лица, задетые локти и бока, негодующие возгласы; глухо зарывавший пёс, привязанный за поводок к чугунному столбику на тротуаре; клошар в грязной плащ-палатке и лощёный господин с кожаной папкой в руках, предупредительно отскочивший в сторону... Сорванное дыхание, мокрая спина, пересохшие губы... Ужас и бессилие...

Сначала за мной определённо, гнались. Явственно слышала за спиной взволнованное «атандэ, мадам, атандэ!». Но возможно, померещилось от страха. В любом случае, мне удалось быстро оторваться от преследователей и скрыться в лабиринте незнакомых средневековых улочек...

И вот я наконец-то остановилась и перешла с галопа на шаг.

Это дурной сон. Почему никак не получается проснуться? Теперь понятно, откуда в машине неприятный запах... Я привезла в полицейский участок труп!

Кристина... Жёлтое платье так красиво подчёркивало её загар. Я вспомнила её радостную улыбку и восторженный возглас – «Мне нравится жить!»... Господи, неужели она пролежала в багажнике с четверга?

Кто её туда засунул?!

Внезапно меня прошиб холодный пот. А вдруг... А вдруг я тоже во всём этом замешана? Ведь я не знаю, чем закончился наш вечер на площади Жана Жореса... Два молодых испанца, столик на четверых, оживлённая беседа, вино... Кристина – такая весёлая и эффектная в этом ярко-жёлтом платье.

А наутро – полное забвение. Что у нас произошло с этими испанскими ловеласами? Вдруг мы вляпались в какую-то историю? Драка, или падение, или неудачный акробатический трюк – трудно ли убиться по пьяни? Да запросто! А потом бедняжку запихали в багажник, чтобы свалить всю вину на меня!

Получается, что всю пятницу и половину субботы Кристина вовсе не развлекалась с инженером Грегуаром, как я полагала. Её труп уже покоился в «Ситроене»...

Невозможно поверить в этот кошмар! Сейчас у меня взорвётся мозг и осколки черепной коробки разлетятся по улице! Бедная, несчастная Кристина... Приехала познакомиться с женихами... И вот...

В четверг на площади Жана Жореса она звонко смеялась и строила грандиозные планы. А жить-то оставалось всего ничего. Её мечте заполучить наконец-то красивую фамилию не суждено сбыться. В последний путь она отправится всё той же Кристиной Ножкиной... Какая трагедия.

Я была так потрясена случившимся, что даже на полчаса забыла об исчезновении дочки. И тут новая мысль пронзила меня разрядом электрического тока: а если бегство Натки и гибель Кристины связаны? Возможно, Натка что-то видела? А вдруг она что-то знает?

Например, что её мать – убийца.

Нет, это глупости. Даже выпив бокал вина и полностью потеряв рассудок, я никого не смогла бы убить. Безусловно, ангелом меня не назовёшь. Персонал компании «Современные медтехнологии» за глаза ласково именует меня ведьмой, кактусом и мучительницей. Они,

тунеядцы, даже утверждают, что я питаюсь их мясом. Но убивать людей – нет, это чересчур. Как бы плохо они себя ни вели... А Кристина и вовсе мне нравилась. Зачем бы я стала её убивать?

Осмотревшись по сторонам, я двинулась к автобусной остановке. Опустилась на скамейку и перевела дух. Улица, куда меня занесло, была пустынной, необитаемой. Вдоль проезжей части возвышались платаны. Солнце ложилось пятнами на пыльный асфальт, листва деревьев шелестела высоко над головой.

Плавню подъехал автобус, высадив одного пассажира.

И тут я вспомнила один эпизод из нашего с Володи́й прошлого... Это случилось несколько месяцев назад. Тогда нам ещё удавалось найти компромисс и примирить два гордых нрава, мы отлично ладили, а наши отношения пока не подошли к критической границе.

Так вот, как-то раз мы с Вольдемарушкой отправились в ресторан поужинать и выпить. Но как выяснилось, неправильно выбрали заведение. За соседним столом гуляла шумная компания – натуральная гопота в костюмах «адидаас». Вскоре они стали до нас докапываться. Лично я ничего не помню, но Володя сказал, что всё было именно так. Раздражённые парни затеяли возню прямо в ресторанном зале. Они хамили и нарывались. Словесная перепалка закончилась потасовкой. Вот чем обернулось невинное желание скоротать вечер в общепите. Мы, два интеллигентных, обеспеченных, достаточно известных предпринимателя ввязались в банальную драку.

И – опять же, по словам Володи, – я в мгновение ока раскидала всю толпу! «Я только немного помог».

Не может быть!

Я слабая, хрупкая женщина. Не надо приписывать мне подвиги Геракла.

– Ты дралась, как Джина Карано! – с восхищением рассказывал Володя.

Пришлось сходить в Интернет, посмотреть, кто она такая, чего натворила.

Ох ты боже мой! Оказалось, что Джина Карано – чемпионка галактики по борьбе муай-тай, зубодробительная машина в обличье потрясающей девушки – сексапильной и обворожительной. Её противницы летали по рингу теннисными мячиками, вытаращив глаза от ужаса и боли. А она из любой схватки выходила целой и невредимой, не пролив ни капли крови...

Сравнение, безусловно, польстило. Но я не понимала, каким образом мне удалось его заслужить. Конечно, я регулярно хожу на фитнес, тренируюсь. Но не достигла каких-то фантастических результатов. Даже муху убиваю с пятой попытки – и не всегда без ущерба для собственного здоровья.

– Нет, ты что-то путаешь, – ответила я Володе. – У меня не хватит сил, чтобы кому-то свернуть челюсть. Это была не я.

– Это была ты, но под воздействием текилы. Наверное, в дальнейшем тебе стоит воздержаться от употребления этого напитка.

– Больше никогда не буду её пить, – поклялась я, рассматривая счёт, присланный из ресторана. Ещё и мебели наломала на кругленькую сумму – словно заготавливала дрова на зиму...

Тот счёт мы, конечно, оспорили. Предложили хозяину ресторана засунуть его себе... в какую-нибудь аккуратненькую бухгалтерскую папку. Пусть сначала обеспечит нормальную охрану заведения, чтобы гостям не приходилось самим себя защищать...

Так что мы там пили с молодыми испанцами? Неужели текилу? Да, наверное, её... Поэтому память снова отказала.

Совершенно убитая данным предположением, я поднялась со скамейки и поплелась вдоль улицы, не замечая ничего вокруг и полностью погрузившись в невесёлые мысли. Было страшно думать о том, что же я натворила в четверг вечером. Ужасное состояние: ты хочешь

вспомнить, ты концентрируешься, но вместо чёткой картинки перед тобой беспросветная мгла, сплошной мрак...

Вот, именно поэтому я и сбежала из полицейского участка – чтобы разобраться во всём прежде, чем меня закуют в наручники и начнут мучить бесконечными допросами. Полиция наверняка уже выяснила, кому принадлежит синий «Ситроен». Теперь мне несдобровать, за мной будут охотиться. Ладно, если бы я была абсолютно уверена в своей невиновности. Но ведь нет!

Самое главное – никто не станет заниматься поисками Натки. До моей дочери французам и дела нет! Они полагают, что если девушку видели в компании симпатичного парня, то здесь замешан купидон, и полиции вмешиваться не следует.

Удобная позиция!

Получается, кроме меня, ребёнка искать некому. Но с наручниками на руках это будет нелегко. Поэтому, едва услышав страшное известие, я решила сбежать. Мой знакомый – Жан-Поль – отправился за новой порцией информации, и как только он повернулся ко мне спиной – рванула прочь от полицейского участка. Сначала, конечно, пришлось сдерживаться, идти чинным шагом. Но едва пересекла площадь и свернула за угол – припустила изо всех сил!

Сейчас я даже не знаю, где нахожусь. С собой ничего нет, даже влажной салфетки, чтобы вытереть руки. Машина – брошена, сумка – заперта в кабинете. Ни телефона, ни кошелька, ни кредитки.

Но возвращаться в особняк мадам Виржини нельзя, там меня, наверное, будет поджидать полиция. Вот уж задала я им задачу. Явиться в полицейский участок с трупом в багажнике – более экстравагантного поступка нельзя придумать.

«Эти русские... Ну как их понять?» – покачает головой инспектор Фалардо.

Глава 10

У меня появляется сообщник

– Елена, вы быстро бегаете! С трудом вас догнал! Садитесь скорее в машину!

От неожиданности я шарахнулась в сторону. Прямо около меня на проезжей части затормозила серая «Ауди», за рулём сидел Жан-Поль. Он потянулся к правой дверце и толкнул её.

– Давайте-давайте, – поторопил он.

Воровато оглянувшись, я юркнула в салон, и автомобиль тронулся.

– Елена, почему вы убежали?

– Мне стало так плохо... – пролепетала я. – Когда вы сказали, что... Я пришла в ужас. В общем, сама не понимаю, как я здесь очутилась!

Жан-Поль с сочувствием посмотрел на меня.

– Да, ужасное происшествие. Хорошо, что вы не подошли поближе. Картина не для слабонервных. До сих пор не могу поверить. Такое ощущение, будто смотрю детективный фильм.

Минуточку. Это он меня сейчас назвал «слабонервной»?

Но да, да, он прав – хорошо, что я не имела шанса заглянуть в багажник. Пусть Кристина останется в моей памяти весёлой и цветущей – такой, какой я видела её в последний раз на площади Жана Жореса.

– Мне только что позвонил один из друзей Этьена. Сказал, что в четверг столкнулся на улице с моим сыном. Тот был с девушкой, и весьма хорошенькой. Говорит, похожа на шведку – светлые волосы, явный акцент. Я уверен, это была ваша дочь!

Сердце взволнованно затрепетало в груди, так, словно я сунула за пазуху пойманного воробышка. Неужели я так быстро нашла на след дочери? Значит, она действительно куда-то улизнула в компании этого самого Этьена.

Натка в первый же день занятий сообщила, что её принимают за шведку. А когда она признаётся, что вовсе не шведка, а русская, – все удивляются. Мол, акцент не тот.

– И как меня угораздило обзавестись шведским акцентом? – негодовала дочь.

– Не волнуйся, скоро ты от него избавишься...

Сейчас мне очень хотелось верить, что речь идёт о дочке.

– Но вдруг это действительно какая-нибудь шведка? Или полька, латышка? Мало ли в мире блондинок, говорящих по-французски с акцентом? Наверное, у вашего сына подружек хватает.

– Хватает. Но я не припомню в их числе ни одной девушки с подобными параметрами. Похоже, это действительно ваша дочь. Натка... Натка... Вот так вы её называете, да? Интересное сокращение, я не слышал раньше. А как ещё?

– Натусик, – ответила я и вдруг всхлипнула, совершенно неожиданно. Какой-то отвратительный бабий стон вырвался из груди помимо моей воли. Столько всего навалилось... А тут ещё француз, так старательно выговаривающий имя мой дочери.

Надо взять себя в руки. Я не размазня, я – кремьень!

Когда ты управляешь собственным бизнесом, твоя нервная система постоянно находится на взводе, количество стрессовых ситуаций ежедневно зашкаливает. Поэтому, чтобы выжить, необходимо превратиться в йога, способного безмятежно сидеть на гвоздях. И мне это удалось, я этому научилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.